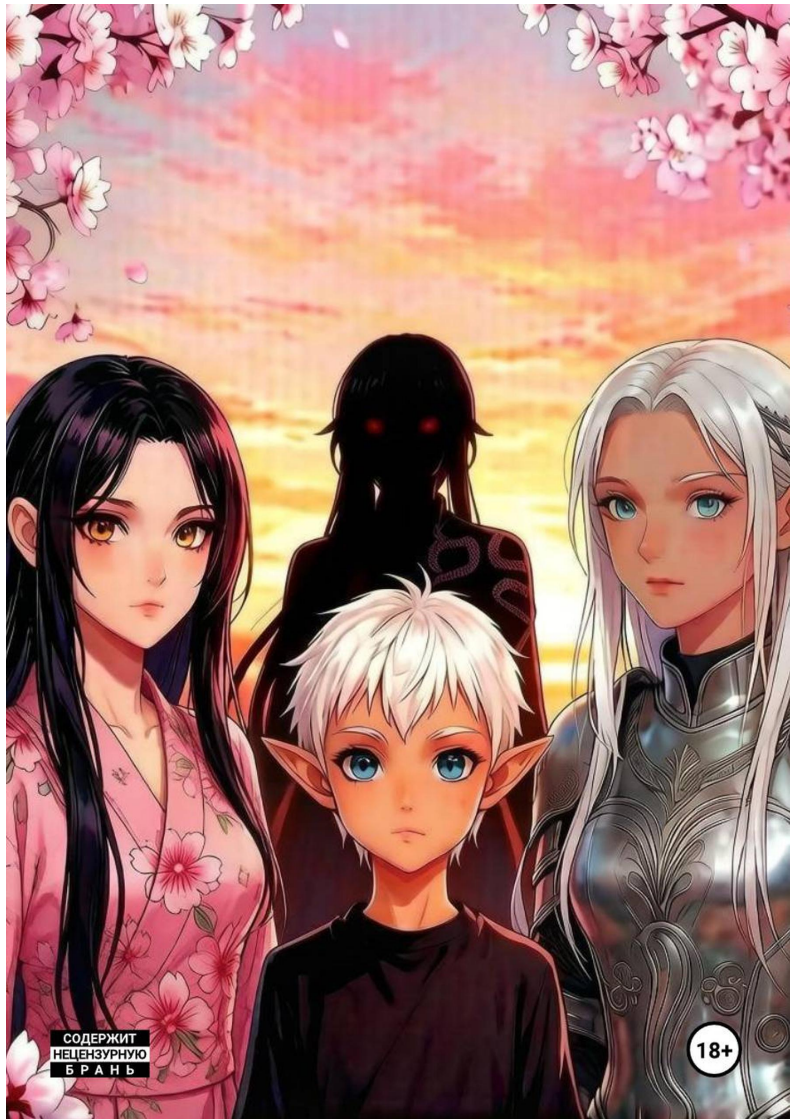

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Фирсов

Вампир. Восхождение. Том 1

<https://litres.ru/74331782>

SelfPub; 2026

Аннотация

Как думаете что будет чувствовать взрослый парень попав в тело младенца да еще и вампира? Вот и я не знаю ;) Ну что же попытаемся понять к чему все приведет

Данная работа попытка сотворить свой мир и свою историю, пусть и весьма корявую:)

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Сергей Фирсов

Вампир.

Восхождение. Том 1

Глава

Пролог часть первая.

Астральный мир окутывали мерцающие туманы и всполохи искрящихся энергий, в этом параллельном материальному миру месте, на одном отдаленном, парящем в потоке энергии острове, проходила тайная встреча двух существ. В тронном зале заброшенного Пантеона, чьи стены были покрыты чёрным обсидианом с прожилками светящихся кристаллов едва освещавших пространство вокруг, стояли двое - бог Мор и богиня смерти Эрешкигаль, чьё имя, древнее, чем сами подземелья, шептали в страхе даже боги.

Мор стоял рядом с богиней смерти, возвышаясь над ней как скала, подавляя её маленький рост своей исполинской фигурой высотой около трёх метров. Его кожа отливала тусклым серебром, словно покрытая слоем древней пыли веков с нанесёнными узорами татуировок, по которым пробежали всполохи золотого пламени. Длинная борода, сплетённая из черных как ночь волос и мерцающих серебром ни-

тей, ниспадала до пояса. Глаза бога сияющих изнутри как два холодных голубых огня смотрели на богиню пристально, не мигая, в них читалась подозрительность и осторожность. Бог был одет в доспехи из чёрного металла с инкрустацией драгоценными камнями и вырезанных серебром рун слабо пульсирующих в такт его дыханию. На плече сидел ворон с перьями цвета полуночного неба и глазами цвета луны - молчаливый свидетель божественной сделки.

- Ты просишь о многом, сестра, - произнёс Мор низким, гудящим голосом. Его фигура, облачённая в плащ из теней, чуть качнулась.

- Кража души из призываемого потока героев... Это не просто нарушение равновесия. Это вызов божественным законам, определяющим наше мироздание.

Эрешкигаль склонила голову на бок, задумавшись над его словами. В процессе её раздумий, облик богини постоянно менялся. Она то обращалась древней старухой с пустыми глазницами, то юной девой с бледной кожей и чёрными волосами до пят, сверкая янтарными глазами. В моменты перехода между обликами вокруг неё кружились призрачные силуэты умерших - молчаливых слуг богини смерти.

- У меня нет выбора, - ответила она. - Ра и Сет много лет назад уничтожили мой пантеон. Отобрали подземелья, лишив источника эфира. Я сама едва избежала смерти и теперь держусь лишь на крохах, что дают мне вампиры. Ещё сто лет и я растворюсь в забвении и не смогу влиять на материаль-

ный мир, что для нас, богов, фактически равноценно смерти. Что хорошего в том, чтобы быть запертым в астральном мире и медленно угасать, растворяясь в потоке вечности теряя разум и превращаясь в ничто?

В ответ Мор только усмехнулся, издав звук напоминающий скрежет стекла о камень.

- А вампиры? Что им до тебя, какая польза?

- Они, так же, как и я, подошли к краю бездны. По результатам войны с людьми и эльфами, был изгнан их бог, убит основатель Виктор и перебито множество главных кланов, чем был нанесен непоправимый урон их численности. Пленен и заточен в подземелье Кхарос его потомок, самый младший сын. С тех времен, без своего создателя, сила вампиров медленно угасает. Рождается всё меньше истинных вампиров, а новорождённые слабее предыдущих поколений, а те кто рождаются по договору должны посылать часть своих детей на защиту границ государств победителей на защиту их владений от набегов монстров и расширении их территорий. Они пытаются вернуть в материальный мир свою богиню, Лилит, но он был запечатан и теперь спит в астральном мире и его сон становится всё глубже, а снять печать может только младший сын Виктора, ну по крайней мере они в это верят. Без защиты своего бога от других пантеонов богов, род вампиров выродится и вымрет через несколько веков.

Мор задумчиво провёл рукой по длинным волосам бороды и посмотрел на чашу с мерцающей жидкостью. В ней

словно на экране отражались образы прошлого: война вампиров, вмешательство богов Ра и Сета, отступление на исконные острова, клятвы мира...

- И что ты предлагаешь? - спросил он.

- Согласно предоставленным сведениям от Хроноса и моим расчетам, ритуал призыва героев будет свершен через 15 лет относительно нашего времени, но ты прекрасно знаешь, что время в астрале течет по-иному и все души, которым нужно перемещение проходят именно через него. Я хочу поймать одну душу из идущего потока - самую подходящую для моих планов, с твоей помощью. Так же помимо этого ты передашь мне одноразовый артефакт с конструктом для оживления тела младенца и переноса него души, ведь дитя вампира и высшего темного эльфа, родится мёртвым, как и многие его предшественники. Так же мне нужна модификация его тела, чтобы с самого рождения гарантированно была способность поглощать эфир и управлять им. Этот ребёнок станет ключом к освобождению плененного старейшины и пробуждению Лилит.

Выслушав план богини Мор прищурился.

- Модификация тела, да еще и способность поглощать эфир..... Что ты дашь мне взамен?

Эрешкигаль протянула к нему руку, раскрыв ладонь. В ней появились три крупных кристалла цвета темно-фиолетового ночного неба с пульсирующими внутри серебристыми нитями. При их появлении призрачные слуги богини за-

трепетали и отступили вглубь зала.

- Эфирные кристаллы. Старейшины вампиров отдали их мне как залог. Каждый содержит силу, равную десяти лет жизни самого слабого божества.

Мор задумчиво нахмурился, татуировки на его коже вспыхнули ярче, а глаза запылали от алчности.

- Три кристалла? Это смехотворно мало. За такую работу я потребую тридцать таких.

- Столько мне не передавали, - твёрдо ответила Эрешкигаль.

- Не верю, - холодно произнёс Мор. - Даже за создание одноразового артефакта с конструктором модификации тела и перемещения в него души в требуют не меньше пяти кристаллов. При том, что я мастер в управлении энергией для зачарования и создании артефактов, за работу с учетом моего молчания потребую пятнадцать. И не забывай, что я говорю здесь с тобой исключительно по просьбе богини Мораны. После гибели богов твоего пантеона ты отверженная никто не желает иметь с тобой дел.

Услышав эти слова Эрешкигаль сжала кулаки, её облик на мгновение исказился, явив жуткую маску с оскаленными зубами.

- Проклятый хитрец! Зная в каком я положении ты... ты... - зашипела она. - Ты грабишь меня на краю гибели!

Она с явной неохотой вытащила из поясной сумки ещё двенадцать таких же кристаллов и передала их в руки бога.

- Вот! Бери! У меня и так почти ничего не осталось! Но раз так я требую что бы ты добавил в модификацию полный ментальный блок, даже от богов и возможность использовать магию света со всеми знаниями заклинаний сразу!!!!

Мор громко рассмеялся, собирая кристаллы. Они засияли в его ладони, отдавая часть энергии, а ворон на его плече издал хриплый торжествующий крик, будто подтверждая заключение сделки.

- Ты всегда вырываешь зубами сверх того о чем просишь. В прочем так и быть, рад иметь с тобой дело, сестра, увидимся через неделю - самодовольно произнёс он.

- Я никогда, ни за что, больше не буду иметь с тобой дела, - сквозь зубы процедила Эрешкигаль, - разве что снова окажусь на грани неминуемой гибели.

Мор снова заразительно расхохотался.

- О, не переживай, ведь это не последний раз, когда ты ко мне обращаешься... Но после твоих обидных слов цена за помощь в твоих темных делишках будет существенно выше, чем для остальных.

С этими словами он развернулся и его фигура постепенно растворилась в тумане энергий астрала. Эрешкигаль проводжала бога злобным взглядом. Когда он окончательно исчез, она яростно прокричала в пустоту:

- Будь ты проклят, Мор! И вдвойне пусть будут прокляты Сет и Ра за то, что разрушили мой пантеон! Да падёт на них кара забвения...

Туманы энергий сгустились вокруг неё, скрывая фигуру в клубящихся тенях. Где-то далеко, в материальном мире, уже вовсю готовились к ритуалу призыва. А в глубинах подземелья Кхарос, запечатанный магией эльфов, спал старейшина вампиров.

Пролог часть вторая.

Эрешкигаль покинула тронный зал заброшенного Пантеона, скользнув сквозь клубящиеся туманы астрального мира. Путь её лежал к тайному убежищу, место о котором не знал ни один из ныне живущих богов.

Оно располагалось на крошечном острове, парящем в отдалении от основных потоков энергии астрала. Остров покрывали густые леса с деревьями, чьи стволы отливали металлическим блеском, а между ними вздымались острые скалы с извилистыми расщелинами. Ни единого следа построек не было видно, всё выглядело абсолютно естественным, словно здесь никогда не ступала нога разумного существа. Лишь опытный глаз мог заметить среди скальных выступов неприметную пещеру, скрытую за завесой мерцающего плюща с листьями цвета лунного серебра. Вход был настолько органично вписан в ландшафт, что сливался с окружающей природой и неровные каменные стены, свисающие лианы и россыпь светящихся грибов у подножия создавали иллюзию дикой местности.

Эрешкигаль приблизилась к этой кажущейся случайной

расщелине. Едва она сделала шаг вперёд, плющ расступился, открывая узкий проход, а грибы вспыхнули ярче, освещая путь мягким голубоватым светом. Богиня коснулась невидимой руны на скале и каменная глыба, преграждавшая вход, бесшумно отъехала в сторону.

В отличие от величественного Пантеона, убежище не поражало масштабами, скорее, оно оказалось небольшим, но роскошным и абсолютно безопасным, в объёме пятнадцати комнат, продуманно вырезанных в толще скалы. Приёмный зал с мозаичным полом из отполированных камней соседствовал с уютной спальней, где кровать была укрыта покрывалом из нежного паучьего шёлка, переливающегося всеми оттенками сумерек. Рядом находилась ванная комната с бассейном, наполненным термальной водой, от которой поднимался лёгкий аромат горных трав, и кухня, где в очаге постоянно горел холодный синий огонь.

Стены были отделаны полированным чёрным камнем с узорами из светящегося кварца, складывавшегося в сложные защитные руны. Вдоль коридоров парили светильники в виде хрустальных сфер, изнутри которых изливался тёплый и мягкий свет, ровно освещая пространство вокруг. Воздух здесь был свежим и лёгким, с едва уловимым запахом можжевельника.

Каждый уголок убежища дышал безопасностью: магические барьеры защищали от любых вторжений, иллюзии скрывали его от божественного взора недоброжелателей, а

системы оповещения мгновенно предупреждали хозяйку о приближении чужаков.

Эрешкигаль прошла по извилистому коридору и остановилась в центре приёмного зала. Здесь, в самом сердце своего тайного убежища, она наконец могла позволить себе расслабиться и удовлетворённо улыбнувшись, она произнесла, обращаясь скорее к себе, чем к кому-либо:

- Глупец, этот Мор... Он думает, что обхитрил меня, выторговал больше кристаллов, чем я изначально предлагала. Но он даже не подозревает, что я оставила себе гораздо больше, чем показала. Разыграть загнанную в угол жертву было несложно - его алчность сыграла мне на руку. Он получит свою плату, выполнит условия сделки... и даже не догадается, что я всё рассчитала заранее.

Она подошла к одной из стен, коснулась едва заметной руны, и часть каменной кладки бесшумно отъехала в сторону, открывая тайник. Внутри, на бархатной подушке глубокого пурпурного цвета, покоились сто три крупных кристалла цвета тёмно-фиолетового ночного неба с пульсирующими внутри серебристыми нитями. Эрешкигаль с удовольствием пересчитала их. Затем с лёгкой улыбкой переложила пять кристаллов из поясного мешочка обратно в тайник, надёжно спрятав.

Оставшиеся десять кристаллов из мешочка она взяла в обе ладони и крепко их сжала. На мгновение богиня замерла, прислушиваясь к ощущениям исходящей от них силы, а

затем с наслаждением поглотила их один за другим. Каждый кристалл, растворяясь в её сущности, наполнял тело энергией приятной волной наслаждения.

Подойдя к высокому зеркалу из полированного обсидиана, Эрешкигаль взглянула на своё отражение. Перед ней стояла девушка лет семнадцати, среднего роста, с бледной кожей и чёрными волосами до пят и янтарными глазами светящихся изнутри. Богиня улыбнулась своему отражению, но тут же прикусила губу, задумавшись.

- Как хорошо быть молодой... - тихо произнесла она. - даже поглотив целых десять крупных эфирных кристаллов, я восстановила лишь одну сотую от своей изначальной силы. Печально, но ожидаемо. Впрочем, пока и этого достаточно. Я привыкла сражаться хитростью, а не силой. Остальные кристаллы стоит побережь, ведь они понадобятся для пробуждения погибших друзей из моего пантеона.

Она на мгновение прикрыла глаза, вспоминая давние времена, когда её пантеон был могущественен, а подземелья дарили неисчерпаемый источник эфира. Затем, резко распахнув глаза, решительно добавила:

- Что ж, пожалуй, пора, навестить старших детей Виктора. Они ждут моего ответа. Пришло время окончательно обсудить все детали. Сделку необходимо обязательно заключить ведь от этого зависит не только моё выживание, но и будущее моих павших друзей.

С этими словами Эрешкигаль взмахнула рукой, и перед

ней в воздухе замерцал портал, ведущий в материальный мир. Богиня шагнула вперёд, и её фигура растворилась в переливах магических энергий, оставив после себя лишь лёгкое мерцание рун на стенах и шёпот теней, склонившихся в почтительном поклоне.

Пролог часть третья.

Эрешкигаль шагнула из портала в плохо освещённую потайную комнату. Тусклый свет единственного факела, закреплённого на каменной стене, бросал дрожащие тени на неровную кладку. В углу неподвижно стоял молодой страж — стройный юноша лет двадцати с бледной кожей и коротко подстриженными серебристо-пепельными волосами. Его глаза, ярко-голубые, словно льдинки, внимательно следили за богиней. Одет он был в облегающий чёрный доспех с кожаными вставками, на поясе висели два изогнутых кинжала в резных ножнах. На плече юноши красовалась татуировка — стилизованный ворон с распростёртыми крыльями.

Страж склонил голову в почтительном поклоне:

— Великая Эрешкигаль, вас ожидают, — произнёс он низким, ровным голосом. — Прошу следовать за мной.

Он развернулся и двинулся вдоль узкой каменной галереи, освещая путь факелом. Эрешкигаль последовала за ним. Через несколько минут они вышли в просторную комнату. Пол покрывали татами из плетёной соломы, вдоль стен стояли низкие деревянные шкафы с раздвижными дверца-

ми, украшенные лаконичной резьбой с изображением бамбука и журавлей. В нише токонома висела свисающая шёлковая картина с пейзажем гор и туманных долин, рядом стояла ваза с ветками цветущей сакуры — её лепестки едва заметно дрожали, словно от невидимого ветерка. Лёгкие ширмы сёдзи, расписанные сценами охоты на оленей, отделяли комнату от внешнего мира. Мягкий свет проникал сквозь полупрозрачную бумагу, создавая на полу причудливые тени. В углу мерцал очаг ирори, над которым висел чугунный котелок; от него исходил тонкий аромат сандала и зелёного чая.

У низкого стола, покрытого тканью цвета осенней листвы, сидели двое — дети Виктора.

Мужчина, которого звали Кайто, был высок и строен. Его чёрные волосы были аккуратно собраны в низкий хвост, несколько прядей свободно падали на лоб. Лицо отличалось резкими, но благородными чертами: высокие скулы, прямой нос и пронзительные тёмно-серые глаза с крупными вкраплениями, светящимися изнутри красным цветом. Он был одет в тёмно-синий кимоно с вышитыми серебряными волнами, поверх — чёрный хаори с гербом рода на спине: переплетённые змеи, кусающие собственные хвосты.

Его сестра, Юми, выглядела моложе, хотя в её глазах светилась мудрость, не свойственная юным. У неё были длинные, струящиеся каштановые волосы с проблесками рыжего, заплетённые в сложную косу, украшенную нефритовыми заколками. Её светло-зелёное кимоно с узором из листьев

гинкго подчёркивало хрупкость фигуры. Взгляд больших миндалевидных глаз цвета мёда с вкраплениями красного, светящегося изнутри, был одновременно мягким и цепким, словно она оценивала каждое слово и жест Эрешкигаль.

За дверью, у раздвижных сёдзи, неподвижно стоял доверенный посыльный — пожилой мужчина в скромном сером кимоно. Его поза была прямой и собранной, руки сложены перед собой, взгляд устремлён вдаль, но уши, казалось, ловили каждый звук из комнаты.

Эрешкигаль присела напротив них, скрестив ноги на татами. Её голос прозвучал ровно и уверенно:

— Я подготовила всё, как вы просили. Я смогу спасти ребёнка и наделить его дополнительной силой, которой, как правило, нет у потомков вампиров. За это я прошу ту оплату, что была обговорена ранее — 500 крупных эфирных кристаллов.

Кайто слегка склонил голову, его пальцы непроизвольно сжались на рукояти скрытого под рукавом кинжала, но голос остался ровным:

— Мы благодарны вам, великая Эрешкигаль, — произнёс он. — Ваша помощь бесценна. Мы заверяем вас, что после спасения дитя вы получите всё обещанное.

Юми мягко добавила, её голос звучал как шелест осенних листьев:

— Вы даёте нам надежду, которой мы уже не смели ждать. Наш дом в долгу перед вами.

Эрешкигаль чуть расслабилась, едва заметная улыбка тронула её губы. Она уже собиралась ответить, когда из-за двери сёдзи раздался жалобный голос, наполненный страхом. Он обращался к Кайто:

— Господин Кайто... простите, что прерываю, но... беда!

Кайто резко вскинул голову:

— Я слушаю тебя, говори кратко, — приказал он.

— Жена старшего сына родила живых близнецов на две недели раньше срока, — выпалил посыльный.

Юми удивлённо приподняла брови:

— И где же тут беда? Это же радость!

Посыльный замаялся, опустив глаза. Кайто нахмурился:

— Говори, в чём дело!

— Пришлось при родах, ради спасения детей, произвести кесарево сечение, — с трудом выговорил посыльный. — В процессе на лица детей попала кровь матери, и они резко выросли до роста двухлетних детей... и сразу набросились на одного из слуг, выпив его досуха. И так, пока не убили в убежище всех, кроме матери, а это около 100 взрослых человек, хоть среди них и было не меньше 10 пробуждённых вампиров. Теперь они похожи на детей 4–5 лет, находятся в убежище и не выходят оттуда.

Все в комнате потеряли дар речи. Юми задумчиво произнесла:

— Нам повезло, что они не убили мать. Она же вампир-тёмный эльф, её жаль было бы потерять. Остальных... их

не особо жаль, ведь они всего лишь расходный материал.

Кайто раздражённо возразил:

— Сестра, это были мои доверенные люди, а не материал!
Впрочем, уже ничего не исправить.

Он обратился к посыльному:

— Передай приказ: обеспечить полную изоляцию убежища. И направить отряд для наблюдения не вступая в прямой контакт. Мы с Юми соро прибудем и сами всё решим.

Кайто медленно повернулся к Эрешкигаль, его глаза с красными вкраплениями сверкнули холодным огнём.

— как видите, обстоятельства изменились, — произнёс он твёрдо. — Наше соглашение придётся пересмотреть. Клан понёс непоправимый урон, и сейчас мы не в состоянии выплатить обещанную сумму.

Эрешкигаль слегка приподняла бровь, её янтарные глаза вспыхнули золотым светом.

— Это не моя вина, — возразила она ровным голосом. — Свою часть уговора я уже частично выполнила, подготовив всё необходимое для спасения ребёнка и наделением его дополнительными силами.

Юми слегка наклонилась вперёд, её голос звучал спокойно, но твёрдо:

— Вам был выдан задаток, который должен был покрыть все расходы и вам бы ещё осталось в качестве компенсации. Вы знали все риски сделки с самого начала.

Эрешкигаль выпрямилась во весь рост. Аура силы вокруг

неё сгустилась, воздух задрожал от напряжения. Посыльный за дверью сѣдзи не выдержал упав на колени, с трудом переводя дыхание. Богиня с холодной улыбкой посмотрела на Юми:

— Вот, значит, как проводят дела потомки моего покойного друга Виктора...

Кайто ответил ей тем же выпустив наружу часть своей силы. Давление в комнате стало почти осязаемым, посыльный за дверью рухнул на живот и захрипел, хватая ртом воздух. При этом Кайто улыбался — вежливо и почти дружелюбно:

— В знак уважения к давней дружбе Виктора и Эрешкигаль мы заплатим неустойку в 20 кристаллов.

— Не меньше 100, — твёрдо ответила богиня.

Юми невозмутимо завела одну руку за спину — пальцы крепко сжали рукоять кинжала с выгравированными на нём защитными рунами. Она явно готовилась к броску, но голос её оставался абсолютно спокойным:

— 50 кристаллов — и это последнее предложение.

Эрешкигаль на мгновение замерла, оценивающе глядя на обоих потомков Виктора. Затем примирительно кивнула, с улыбкой ослабляя поток силы:

— Хорошо. Согласна. Прощу передать их немедленно.

Кайто протянул руку и позвонил в маленький серебряный колокольчик, стоявший на краю стола. В стене бесшумно открылась потайная дверь, та самая, через которую ранее пришла Эрешкигаль. Бледный молодой страж, который ранее

привел её сюда, едва держась на дрожащих ногах, подошёл к богине и почтительно передал ей мешочек с кристаллами.

Эрешкигаль взвесила мешочек в руке, удовлетворённо кивнула и, не прощаясь, открыла портал. В последний момент она обернулась:

— Надеюсь, ваши внуки окажутся достойными потомками своего рода, — с этими словами она шагнула в переливы магических энергий и исчезла.

Портал схлопнулся, давление в комнате ослабло. Посыльный за дверью смог наконец нормально вздохнуть и поднялся на ноги, опасливо поглядывая на сёдзи.

Кайто повернулся к Юми, пристально посмотрел ей в глаза и сказал:

— Нам повезло. Без потерь среди нас мы, скорее всего, не смогли бы одолеть вдвоём богиню, которая поглотила не менее 100 эфирных кристаллов.

Юми лишь пожала плечами, поправила заколку в причёске и спокойно ответила:

— Пойдём знакомиться с внуками. Возможно, они станут новым оружием нашего клана — или его главной угрозой.

Она поднялась, расправила складки кимоно и направилась к выходу. Кайто последовал за ней, задумавшись над её словами

Пролог часть четвертая.

Вернувшись в своё тайное убежище, Эрешкигаль с грохотом захлопнула невидимую дверь, и магические руны на стенах вспыхнули алым — так сильна была её ярость. Богиня металась по приёмному залу, словно загнанный зверь: её янтарные глаза полыхали нестерпимым огнём, а воздух вокруг дрожал от высвобождаемой силы.

— Неблагодарные потомки Виктора! — прошипела она, сжимая кулаки. — Он сам когда-то клялся в верности, а теперь его отпрыски смеют унижать меня, богиню, способную испепелить их род одним взглядом!

Она остановилась у зеркала из полированного обсидиана, но не стала смотреть на своё отражение — вместо этого с размаху ударила по гладкой поверхности ладонью. Камень покрылся трещинами, похожими на паутину.

— Судьба играет со мной злую шутку, — продолжала она, расхаживая вдоль стены с защитными рунами. — Виктор, старый глупец, верил, что его род станет опорой нового мира... А теперь его внуки рожают чудовищ, которые пожирают собственных слуг, как голодные волки!

В порыве злости Эрешкигаль выхватила мешочек с полученными кристаллами — все пятьдесят, сверкающие тёмно-фиолетовым с пульсирующими серебристыми нитями. Не раздумывая, она проглотила их один за другим. Каждый кристалл, растворяясь в её сущности, наполнял тело энергией, но не приносил облегчения — лишь усиливал жгучее желание мести.

Когда последний кристалл исчез, богиня замерла посреди зала, тяжело дыша. Её аура стала ещё мощнее, а в глазах читалась холодная решимость.

«Что же делать дальше?» — мысленно спросила она себя, медленно обходя мозаичный пол приёмного зала.

Перед её внутренним взором пронеслись образы: Кайто с его надменностью, Юми с кинжалом, готовым к броску, и те загадочные близнецы, что за считанные минуты убили сотню взрослых, включая пробуждённых вампиров.

«Они думают, что перехитрили меня, — размышляла Эрешкигаль. — Но они не знают, что я веками наблюдала за интригами богов и смертных. Я видела, как рушились империи из-за одной ошибки, одного неверного шага...»

Внезапно её осенило. Губы богини изогнулись в зловещей улыбке.

— Что, если я найду другой, более могущественный клан? — прошептала она. — Такой, что сможет потягаться с королевским родом потомков Виктора. Я передам эту невероятную силу одному из близнецов — не обоим, нет. Только одному, тому, чья душа окажется достаточно сильной, достойной стать героем... или орудием в моих руках.

В её сознании начал складываться чёткий план.

— Я воспитаю его, научу всему, что знаю сама, — продолжала она мысленно. — Направлю его силу, помогу раскрыть потенциал, который сейчас лишь пробуждается. Он станет моей пешкой — но пешкой могущественной, способной со-

крушить власть королевской семьи. Интриги, заговоры, открытые столкновения — я использую всё. А он, ведомый моей мудростью, станет тем, кто нанесёт решающий удар.

Она представила, как её воспитанник, обладая силой, превосходящей ожидания Кайто и Юми, начнёт действовать. Как королевский клан, ослеплённый собственной гордыней, не заметит угрозы, пока не станет слишком поздно. Как власть, казавшаяся незыблемой, начнёт рушиться под натиском её замысла.

— Именно так, — прошептала Эрешкигаль с холодной улыбкой. — Я не просто отомщу. Я уничтожу их влияние, лишу опоры, заставлю расплатиться за унижение. А взамен получу верного союзника, чьё могущество будет служить моим целям.

С этими радостными мыслями богиня взмахнула рукой — и разбитое зеркало, треснувшее от её предыдущей вспышки гнева, мгновенно восстановилось, вновь отражая её облик без единой трещины. Она улыбнулась своему отражению, а затем, не сдерживаясь, издала короткий смешок, переходящий в похрюкивающий от радости хохот.

Не теряя времени, она направилась в ванную комнату, на ходу сбрасывая одеяния. В несколько шагов преодолев расстояние до бассейна с термальной водой, Эрешкигаль прыгнула в него нагишом, с плеском погрузившись в тёплую воду, от которой поднимался лёгкий аромат горных трав.

Расслабляясь в бассейне, она закрыла глаза, позволяя телу

отдохнуть после бурных эмоций. Мысли текли плавно, выстраивая детали будущего плана.

Уже засыпая, богиня с удовлетворённой улыбкой подумала: «Через шесть дней я начну вершить свой план мести. И ни Кайто, ни Юми, ни весь их королевский клан не будут готовы к тому, что их ждёт».

Её дыхание стало ровным, а аура, ещё недавно бушевавшая, успокоилась, сливаясь с защитными рунами убежища. Сон окутал Эрешкигаль, но даже во сне её разум продолжал просчитывать ходы грядущей игры — игры, в которой она собиралась стать не пешкой, а мастером, управляющим судьбами.

Пролог часть пятая.

Через шесть дней, как и задумала Эрешкигаль, она вновь оказалась в астральном мире. Путь к месту встречи с Мором был непрост: богине пришлось миновать вихри хаотичной энергии, обойти стороной скопления блуждающих духов и проскользнуть сквозь завесы мерцающих туманов, скрывающих опасные разломы пространства.

Остров, на котором обитал Мор, разительно отличался от тихого убежища Эрешкигаль. Парящая в потоках астральной энергии земля была покрыта дымящимися вулканами, извергающими не лаву, а потоки раскалённой магической плазмы. Воздух дрожал от напряжения, а небо над головой переливалось всеми оттенками фиолетового и багряного —

словно предвестье грядущей бури.

У подножия самого высокого вулкана, чьи склоны были испещрены рунами сдерживания, находилась небольшая пещера — укромное убежище бога смерти. Вход в неё скрывался за завесой из переплетённых энергетических нитей, мерцающих холодным синим светом. Эрешкигаль коснулась невидимой границы — и барьер послушно расступился, пропуская её внутрь.

Внутри пещера оказалась оборудована множеством загадочных устройств для отслеживания и захвата энергий. Стены были увешаны кристаллами-накопителями, пульсирующими в такт дыханию пространства. В центре зала располагалось массивное каменное кресло, инкрустированное серебряными схемами, перед которым возвышалось проецирующее устройство — сфера из дымчатого кварца, парящая над пьедесталом. От неё отходили десятки тонких трубок, соединённых с другими устройствами, улавливающими колебания астральных потоков.

Мор уже ждал её. Он сидел в кресле, пальцы его скользили над сложными рунами на подлокотниках, а глаза неотрывно следили за картиной, разворачивающейся в сфере. Когда Эрешкигаль вошла, бог лишь слегка повернул голову, не отрывая взгляда от проекции.

— Ты вовремя, — произнёс он низким, гудящим голосом.
— Взгляни на это.

Эрешкигаль подошла ближе и замерла. В сфере развора-

чивалась грандиозная картина: огромный поток душ, напоминающий метеоритный рой, проносился через пространство астрала. Каждая душа светилась своим светом — от тускло-голубого до ослепительно-золотого. Они двигались упорядоченно, словно ведомые невидимой силой, и оставляли за собой следы мерцающей энергии.

— Такого количества призываемых и сильных душ я никогда не видел, — удивлённо произнёс Мор, указывая на проекцию. — Посмотри на яркость свечения — у каждого из них сразу будет сформировано от 4 до 7 источников силы. Они почти все, можно сказать, герои — это немыслимо! И что самое удивительное — призывающая сторона явно не одна.

Эрешкигаль задумчиво хмыкнула и попросила:

— Оцени плотность информационной составляющей душ.

Мор сделал несколько пассивных движений руками над управляющими частями устройства. Руны на подлокотниках кресла вспыхнули, а сфера изменила изображение: теперь рядом с каждой душой появились сложные диаграммы и символы, отображающие структуру и насыщенность энергии.

Бог смерти внимательно изучал данные, его брови слегка приподнялись от удивления.

— Есть четыре подобных души с 5–7 источниками, — произнёс он наконец. — Но есть одна... Пусть и не такая яркая — до героя в обычном смысле не дотянет, но 4 источни-

ка полноценных будет точно. Зато плотность информации в 3 раза больше, чем у многих. И примечательно, что его тело было практически уже мертво на момент призыва — он идеально подойдёт для перемещения в мёртвое тело. Хотя для такого перемещения он не единственный вариант.

Эрешкигаль улыбнулась — в её янтарных глазах вспыхнул хищный блеск.

— Плотность души важнее, — уверенно сказала она. — Чем она больше, тем большего объёма будет источник и выше возможность его увеличения. Могут быть хоть 12 источников сразу, но что толку, если они малы? Ну станет такой богом, но ведь будет слабым. А развиваться и выживать будет ещё сложнее.

Мор кивнул, соглашаясь. Он сделал ещё несколько манипуляций с устройством, и проекция сфокусировалась на одной из душ — не самой яркой, но окружённой плотным ореолом сложной энергетической структуры.

— Вот он, — указал бог. — Видишь? Его информационная матрица невероятно насыщена. Даже без полной силы героя он может стать чем-то выдающимся.

Эрешкигаль пристально вгляделась в изображение. Душа действительно выделялась среди прочих: её свечение было сдержанным, но вокруг клубились вихри энергии, напоминающие миниатюрные галактики.

— Да, — прошептала богиня. — Это именно то, что нужно. Он станет ключом к освобождению пленённого старей-

шины и пробуждению Лилит. А заодно — орудием моей мести.

Мор усмехнулся, откинувшись в кресле.

— Что ж, раз выбор сделан, пора провести операцию по изъятию, — произнёс он и приступил к работе.

Пока Мор проводил изъятие выбранной души из потока и помещал её в артефакт — массивный кристалл с гравировкой древних рун, — Эрешкигаль неожиданно наклонилась к сосредоточенному богу и прошептала ему на ухо:

— А ещё я бы хотела получить артефакт, добавляющий способностям тела «ускоренное сознание и восприятие», а также способность «усиление потоками манны» и модификацию проводимости каналов манны в теле — от стандартного для вампира уровня в 5 раз. За всё это я готова заплатить ещё 5 крупных эфирных кристаллов.

Услышав её сладкий шёпот и дыхание в ухо, Мор от неожиданности подпрыгнул и раздражённо заявил:

— Богини-«бабули» меня не интересуют, и этот номер со мной не пройдёт! К тому же усиления каналов в 5 раз у меня с собой нет. Но в артефакте модификации тела уже заложено усиление каналов в 3 раза. Да и нереально ещё большее усиление каналов для тела вампира — он просто может умереть!

Эрешкигаль обиженно ответила:

— Ты сам старше меня, и хамить явно не стоит.

Мор разразился смехом:

— О, я знал, что ты попросишь нечто подобное, и всё подготовил. Но меньше чем за 8 кристаллов тебе ничего из требуемого не светит. Бонусом подарю тебе следящий артефакт с эффектом замедления времени в области охраняемого объекта, правда ненадолго, в общем, испытаеть прототип.

Эрешкигаль обворожительно улыбнулась:

— Я согласна. Но бонусом ты «подаришь» мне обучающий артефакт с библиотекой знаний по языкам и боевым искусствам, а также по всем типам магии и зачарованию — с виртуальной тренировочной площадкой вплоть до уровня «SSS».

Мор захохотал, почти утирая слёзы:

— Не выше ранга «DDD».

Эрешкигаль сладко протянула:

— Ну смилуйся над бабушкой хотя бы до ранга CCC.

Оценив её шутку, Мор ответил:

— У меня есть с собой, только до ранга «С».

- Сойдет - обрадовавшись, Эрешкигаль радостно положила на панель приборов 8 кристаллов. Через мгновение Мор сказал, что закончил, развернулся к ней и передал всё, что она просила: кристалл с душой и артефакты с запрошенными свойствами.

Затем он добавил:

— Ты мне «должна» за обучающий артефакт. Прошу отплатить информацией в будущем.

Эрешкигаль с улыбкой согласилась:

— После такого огромного призыва героев грядет что-то крупное. Я обязательно поделюсь всем, что узнаю.

Мор удовлетворённо кивнул. Эрешкигаль, бережно держа в руках полученные артефакты, открыла портал для возвращения в своё убежище и шагнула в переливы магических энергий.

А Мор, оставшийся наедине с проекцией, задумчиво провёл рукой по своей мерцающей бороде. В его глазах, сияющих холодным голубым огнём, мелькнуло уважение.

Буквально на следующий день Эрешкигаль совершила все то к чему так долго готовилась, вернувшись в свое убежище, она подумала «Ну что же, жребий брошен, теперь я буду наблюдать за мальчиком и ждать шанса выхода с ним на контакт». Но даже она не ожидала, что данный шанс представился ей очень скоро....

Глава первая. Часть 1.

Я снова стоял в порту Хиросимы. Было около семи часов утра. Надо мной раскинулось чистое, безоблачное небо глубокого синего цвета, какой бывает только в ясные летние дни. Солнце уже поднялось достаточно высоко и мягко освещало причалы, отбрасывая длинные тени от кранов и мачт рыболовецких судов.

Вдруг вдалеке, прямо у причала, раздался оглушительный грохот. В небо взметнулся гигантский огненный столб, опять взорвался танкер с селитрой. В тот момент я уже понимал,

что будет дальше, и хотел скорее убежать, но словно окаменел на месте.

За вспышкой пламени последовала мощная ударная волна. Она прокатилась по порту, сметая всё на своём пути: контейнеры разлетались, как игрушки, металлические конструкции с визгом деформировались, а ближайшие склады и административные здания начали рушиться. Воздух наполнился густым чёрным дымом и едким запахом гари.

Я стоял, ослеплённый яркой вспышкой, и чувствовал, как жар опалает лицо и руки. Уши заложило от грохота, а в нос ударил резкий химический запах. Вокруг царил хаос: крики людей, треск ломающихся конструкций, вой сирен. Из последних сил я издал истошный крик, который потонул в этом адском шуме, а затем всё вокруг поглотила пелена дыма и пыль обрушившихся строений...

Александр резко проснулся, вскочив на кровати, задыхаясь, хватая ртом воздух и закрыв ладонями глаза. Пот струился по лицу, сердце колотилось так, будто готово было выпрыгнуть из груди. Осознав, что он находится дома, облегчённо вздохнув несколько раз, снова лег на кровать, уставившись замутненным взглядом в белый потолок. Уже седьмой год этот кошмар повторялся с пугающей регулярностью - одна и та же сцена, одни и те же ощущения. Он провёл рукой по лицу, пытаясь прийти в себя.

- Снова Хиросима, - прошептал он, глядя в потолок своей московской квартиры.

В первый год после того, как кошмар стал регулярным, Александр перепробовал всё - обращался в лучшие клиники столицы, проходил полное медицинское обследование, сдавал анализы, делал МРТ и ЭЭГ. Врачи разводили руками, указывали диагноз - организм здоров, отклонений нет.

Тогда он обратился к психологам и психотерапевтам. Одни предлагали когнитивно-поведенческую терапию, другие гипноз, третьи настаивали на курсе антидепрессантов. По рекомендациям врачей он пробовал всё: медитировал, вёл дневник снов, выполнял упражнения на релаксацию, но каждую ночь снова и снова погибал в том взрыве.

Кошмар выматывал, лишал сил, днём он чувствовал себя опустошённым, с трудом концентрировался на делах, которые раньше давались легко. Отец, известный Российский бизнесмен, настаивал на лечении за границей, предлагал лучшие клиники Швейцарии и Израиля, но Александр отказывался так как хотел самостоятельно найти решение и победить этот ужас. Наконец один пожилой психотерапевт, к которому он попал фактически случайно, выслушав историю кошмаров, задумчиво покачал головой и сказал:

- Иногда подсознание требует прямого контакта с источником травмы. Даже если эта травма не ваша личная, а какая-то глубинная, архетипическая, попробуйте съездить туда, в Хиросиму. Побывайте в порту погуляйте по городу, подышите тамошним воздухом, прочувствуйте себя на месте трагедии. Возможно, встреча со страхом лицом к лицу поможет

вам разорвать бесконечный цикл повторений снов. Что ж раз более ничего не помогало и решение проблемы назрело так же внезапно, Александр решил последовать совету.

Глава первая. Часть 2.

Полежав на кровати еще немного и отдышавшись, Александр взял телефон и набрал номер отца. Михаил Викторович Грачёв, крупный бизнесмен в области международной торговли, владел сетью филиалов по всему миру от Европы до Азии. В Японии у компании так же были свои представительства, в том числе в городах Токио и Хиросима.

- Доброе утро сын! У тебя что-то срочное? У меня через 10 минут совещание.

- Отец, я решил поехать в Хиросиму, - без предисловий начал Александр.

На другом конце провода повисла напряженная пауза.

- В Хиросиму? - голос Михаила Викторовича звучал настороженно. - Зачем? У нас полно дел и здесь в Москве. Ты же знаешь, что скоро подписание контракта с китайскими партнёрами. И этот контракт очень важен для нас.

- Я понимаю, но это очень важно для меня лично, я уже на пределе и могу сорваться в любой момент - твёрдо ответил Александр. - Мне посоветовали съездить туда, чтобы разобраться с кошмарами.

- Опять ты за своё.... Твои кошмары - это полная ерунда, - отрезал отец. - У тебя есть свои обязанности. Старшая

сестра и старший брат не могут тянуть всё на себе. Ты младший, но уже взрослый мужчина. Пора брать на себя всю ответственность.

- Они отлично справляются, и без моего участия - возразил Александр - наше дело под их полным контролем, все процессы отлажены и работают точно как швейцарские часы. Я всего лишь самый младший сын от второго брака, они вполне и без меня справятся, к тому же я не собираюсь наследовать часть нашей компании, хоть и знаю что тебе это не по душе.

- Ты не «всего лишь», - голос отца стал жёстче. - Ты член семьи и должен участвовать в её делах, не отгораживайся от нас, но раз уж ты так рвёшься в Японию... Хорошо, я уступлю в этот раз, но с одним условием.

- И с каким же? - насторожился Александр.

- Проведи встречу с нашими партнёрами в Токио. Они давно ждут контакта на высшем уровне. Покажешь мне, что ты не просто избалованный сын успешного человека, а один из будущих преемников всего нашего семейного дела.

- Говорил же тебе что я... хотя, ладно будь по твоему, договорились, - после короткого раздумья раздраженно согласился Александр. - Я проведу встречу, все сделаю на высшем уровне.

- Отлично, тогда оповести меня о результатах результатов переговоров как закончишь - уже мягче произнёс Михаил Викторович. - Да и будь осторожен, я беспокоюсь за тебя.

- Обязательно буду, хотя в мои 22 года это несколько забавно слышать, - ответил Александр и выдохнул с облегчением. - Спасибо, отец.

- Для меня ты всегда будешь маленьким ребенком. Да и обязательно встретиться с Машей - поспешно сказал Михаил Викторович. - Объяснись с ней, она все-таки одна из дочерей нашего важного партнера в Японии...

- Я учту твоё пожелание, отец, - сказал Александр с раздражением - но ты же знаешь я не чувствую к ней романтических чувств, она для меня как сестра не более, а она все воображает что мы практически вот-вот поженимся.

- Вот по этому, я и говорю тебе, объяснись с ней - резко сказал Михаил Викторович. - хватит водить бедную девочку за нос, все это зашло уже слишком далеко.... Ладно мне пора, я и так задержался.

И отец оборвал разговор.

Александр ещё раз тяжело вздохнул, отложил телефон в сторону. Встав с постели, он принял душ, а затем, сидя за столом на кухне и попивая горячий кофе, решил позвонить Маше заранее, чтобы назначить встречу. Взяв лежащий на столе смартфон, полистав нашёл в контактах «Маша Тачибана» и перед тем как нажать на кнопку вызова, на мгновение замер, мысленно представляя её образ.

Мария Тачибана - старшая дочь Ханзо Тачибана, известного японского промышленника, с которым у его отца была давняя дружба. Их семьи связывали не только деловые от-

ношения: когда-то отец Александра познакомил Ханзо с его будущей женой - известной российской моделью с мировым именем. Данное знакомство положило начало многолетнему партнёрству и тёплому общению двух семей. К тому же мама Александра в детстве дружила с мамой Маши и эта давняя связь ещё крепче скрепила дружбу и общение между домами Грачёвых и Тачибана.

С пятнадцати лет, Александр по настоянию отца три года провёл в доме Тачибана. Это было время глубокого погружения в японскую культуру: он оттачивал знания языка, осваивал боевые искусства и мастерство кендо под руководством опытных наставников и вместе с Машей окончил старшую школу в Японии. За эти годы он хорошо узнал характер девушки и особенности её поведения в обычной жизни.

Внешность девушки запомнилась ему ярко и отчётливо: стройная и подтянутая фигура - результат регулярных тренировок по дзюдо и кендо, которые она практиковала с детства. Длинные тёмные волосы обычно были собраны в небрежный хвост, открывая изящную линию шеи и плеч. Глаза цвета тёмного чая - глубокие и выразительные, могли быть строгими и непреклонными, когда она давала отпор кому-то из назойливых сверстников, и в то же время были невероятно мягкими и трепетными, стоило ей увидеть Александра. В её чертах гармонично сочетались утончённые европейские черты матери-модели и резкие, благородные линии азиатского происхождения отца. Сочетание на-

следственных черт внешности сформировало из Маши красавицу превзошедшей даже свою маму.

У Маши с детства сложился сильный и волевой характер. Она умела принимать решения, отстаивать свою точку зрения и не боялась вызовов судьбы испытывавших её на прочность. Владея боевыми искусствами, она могла дать отпор любому, кто переходил границы её личного пространства, и порой делала это весьма решительно не боясь ввязываться в драки. Так же она знала несколько иностранных языков, что подчёркивало её образованность и широкий кругозор. У неё были младшие близнецы - брат Акиро, весёлый и энергичный парень, и сестра Хината, тихая и задумчивая. Они были младше Маши на два года и, как и она, так же были очень привязаны к Александру. Так же помимо близнецов у Маши было ещё двое младших - брат Юки и сестра Кейко, которые были младше её на целых пятнадцать лет. Оба ребёнка обожали старшую сестру.

Маша с самого детства была влюблена в Александра и не скрывала своих чувств. Её непреклонность и воля таяла в его присутствии: она позволяла ему говорить ей то, за что других строго одернула бы или даже поставила на место, ввязавшись в драку. В общении с ним она становилась одержимо заботливой, ревниво оберегала его от любых проблем и буквально светилась от счастья, если он уделял ей хоть немного своего времени и внимания. Сам же Александр, в силу своего характера, а вернее начавшихся кошмаров, не мог ни раз-

делить, ни решительно отвергнуть её, так как не мог решить стоит ли портить ей жизнь своим недугом.

Еще глубоко вдохнув, я нажал кнопку вызова. Через несколько гудков в трубке раздался знакомый голос:

- Саша? - в нём прозвучали одновременно противоречивая радость и лёгкая обида, смешанная с раздраженностью - Ты, наконец, набрался смелости и соизволил мне позвонить после полугода молчания, так еще и не по видеосвязи?

Я невольно глупо улыбнулся, хотя в груди защемило от чувства вины, бессовестно порадовавшись тому, что мы не говорим по видеосвязи:

- Да, Маша. Это я твой безвольный и бессовестный друг детства Саша, прости, что так надолго пропал. У меня навалилось много работы и еще ряд сложностей. Я хотел бы с тобой встретиться. Я... я еду в Хиросиму. Мы можем увидеться и поговорить?

- Хммм... даже не знаю, что ответить на твою тираду - её голос мгновенно зазвучал оживлённо с игривыми капризными нотками. - Я отменю часть встреч, но смогу освободиться не ранее 16.00, ведь должна забрать их с тренировок Акиро и Хинату и мы едим к тебе. И кстати учти, что отец и мама уехали с младшими на Гавайи отдыхать, и если что-то от них нужно, то встретиться не выйдет.

Я на мгновение закрыл глаза, собираясь с мыслями, ответил:

- Хорошо, я понял. Раз так увидимся через три дня, то

есть 6 августа в кафе «Хачидориша» Мемориального парка мира, договорились?

- Буду там, Саша. Обязательно буду и не только я, - пообещала она с такой искренней радостью, что мне снова стало неловко. - До встречи!

Я положил трубку и отставил в сторону остывший кофе. Тут мне в голову пришла мысль, что я так и не понял, зачем она решила притащить с собой близнецов Акиро и Хинату? Ведь так мы с ней толком и поговорить не сможем... ну да ладно. Непростой для меня разговор состоялся, но облегчение так и не пришло, как раз наоборот лишь усилилось ощущение, что я стою на пороге чего то нового и неизбежного.

Глава первая. Часть 3.

На следующий день Александр купил билет в Японию. Прилетев в Токио решив все возложенные на него дела и отчитавшись перед отцом, около 10 утра следующего дня отправился поездом в Хиросиму.

Хиросима встретила его шумом большого города. День выдался ясным - в середине августа солнце стояло ещё высоко, и около трех часов дня его лучи, уже не такие палящие, как в полдень, мягко золотили улицы. Воздух был тёплым, но не душным: лёгкий бриз с залива приносил свежесть и едва уловимый солоноватый запах моря смешанный с запахом водорослей, разбавляя им городские ароматы.

Город, жил своей размеренной жизнью: люди спешили по

делам, дети смеялись на площадках, в кафе пахло свежесваренным кофе. Тени от зданий и раскидистых деревьев стали длиннее, ложась на асфальт ровными тёмными полосами. Где-то вдалеке мелодично звенели ветряные колокольчики, покачиваемые ветром, - их тонкий звук смешивался с приглушённым гулом города. Но Александр чувствовал: под этой мирной поверхностью таится память о трагедии.

Он шёл к порту медленно, почти неохотно. У самого входа, в портовый комплекс, словно страж памяти, стоял мемориал. Александр остановился перед ним, разглядывая имена на каменных плитах. Каждое высеченное имя напоминало о той трагедии — взрыве танкера с селитрой, который произошёл здесь несколько лет назад. В груди что-то сжалось: он пытался осознать масштаб разрушений, которые когда-то охватили эти места.

Собравшись с духом, он вошёл в порт. Здесь всё дышало жизнью: гудели краны, швартовались суда, рабочие сновали между контейнерами. Ничто не напоминало о катастрофе — всё давно восстановили, отстроили заново. Он шёл вдоль причалов, вглядываясь в детали: новенькие ограждения, свежие разметки, ухоженные дорожки. Казалось, сама земля забыла о том дне, затем постояв рядом с причалом, где случилась трагедия, поспешил к выходу.

Уже покидая место Александр замедлил шаг, обернулся на мемориал у входа — тот по-прежнему стоял незыблемо, храня память о прошлом. Затем он глубоко вздохнул и на-

правился прочь, унося с собой ощущение странного раздвоения: жизнь идёт вперёд, но память остаётся

Постояв еще немного вспомнив о назначенной встрече, поспешил к кафе одного торгового центра, мысленно прокручивая предстоящий разговор. Он всё ещё не до конца понимал, зачем Маша решила привести с собой Акиро и Хинату, - её решение явно усложняло возможность поговорить откровенно наедине.

Он огляделся стоя у входа в кафе на втором этаже здания, высматривая знакомые лица. В этот момент его внимание привлёк звонкий смех - он обернулся и увидел Машу. Она стояла в нескольких шагах от него, в лёгком летнем платье, с волосами, собранными в привычный небрежный хвост. Её глаза цвета тёмного чая блестели, а на губах играла лёгкая улыбка. Рядом с ней переминались с ноги на ногу Акиро и Хината.

- Саша! - радостно воскликнула Маша и первой бросилась к нему, обняв за плечи. - Наконец-то, ты здесь! Я уже начала волноваться.

Александр неловко обнял её в ответ, чувствуя смесь вины и радости.

- Привет, Маша, Акиро, Хината - мягко произнёс он. - Не ожидал, что вы тоже будете здесь.

Акиро, высокий и энергичный парень с озорной улыбкой, тут же шагнул вперёд:

- А как же иначе? - весело отозвался он, хлопая Алек-

сандра по плечу. - Кто же отпустит старшую сестру одну на встречу с другом детства? Вдруг ты за год нашей разлуки сильно изменился и стал каким-нибудь злодеем?

Хината, же напротив, посмотрев в глаза, сдержанно улыбнулась и слегка поклонилась:

- Здравствуй, Александр, - тихо произнесла она. - Мы очень рады снова тебя видеть. Маша столько тебя ругала в последнее время...

Маша слегка покраснела и шутливо пригрозила сестре пальцем:

- Хината, ну что ты такое говоришь! - затем повернулась к Александру, слегка смущённо. - Просто я за него действительно сильно волновалась.

Она повернулась к Александру, и её взгляд смягчился:

- Но я рада, что ты всё-таки позвонил и приехал сюда

- Да, - медленно произнёс он – все же я очень не красиво поступил с тобой просто молча собрав вещи и уехав домой.

- Я не в обиде на тебя и понимаю что после той катастрофы, тебе пришлось не легко, - продолжила Маша уже тише – ведь в тот день ты потерял маму, а этот город напоминает, о той страшной трагедии.

Акиро, который до этого молча слушал, вдруг решил вмешаться:

- Кстати, раз уж мы все здесь, - предложил он, - может, сначала прогуляемся по городу, а затем поедим к нам домой?

Маша внимательно посмотрела на Александра, словно

пытаясь прочесть его мысли.

- Если ты не против, - мягко добавила она. - Мы можем пойти вместе.

Александр на мгновение замер, ощутив, как внутри него, что-то дрогнуло. Он вдруг понял, что общение с Машей, Акиро и Хинатой - возможно, именно то, что ему сейчас нужно.

- Да, - кивнул он. - Давайте пойдём. Спасибо вам.

И мы стали отходить от входа в кафе. Александр шёл рядом с Машей, чувствуя, как напряжение понемногу отпускает его. Акиро так же, что-то оживлённо рассказывал Хинате, а та изредка улыбалась, бросая взгляды на старшего брата. Впервые за долгое время Александр ощутил проблеск надежды — возможно, встреча с прошлым лицом к лицу действительно поможет ему разорвать бесконечный цикл кошмаров.

Но спокойствие длилось недолго. Едва они начали подходить к выходу первого этажа здешняя, земля застонала, так сильно дрогнула под ногами, что мы все упали от неожиданности, потеряв равновесие. Раздался жуткий треск и крики людей. Александр обернулся и увидел, как конструкции здания начинает рушиться им на голову.

- Бежим скорее отсюда! - крикнул он, хватая Машу за руку.

Они попытались встать, но было поздно. Очередной толчок - и град крупных обломков обрушилась прямо на них.

Александр инстинктивно рванулся вперёд, загораживая девушку своим телом. Между ними и Акиро с Хинатой вырос завал из обломков и пыли - ребята оказались отрезаны друг от друга.

Удар пришёлся по спине и плечу. Боль пронзила тело, в глазах потемнело. Сквозь шум обрушения и крики он услышал голос Маши:

- Саша!

Он хотел ответить ей, но не смог. Зрение затуманивалось, мир сужался до узкой щели. Единственная мысль пульсировала в голове стоять на руках и коленях придавленным обломками до последнего, как вдруг он увидел что под Машей, прямо на земле, засветился круг, испещрённый странными символами — не японскими, не латинскими, а какими-то древними, чем то напоминающий рунический алфавит. Линии круга пульсировали и искрились, словно живые, а потом резкая вспышка и ослепительно-яркий свет, поглотил всё вокруг.

Глава первая. Часть 4.

В поместье клана, витало напряжение — оно пропитало каждый уголок, словно тяжёлый туман, не желающий рассеиваться. Все ждали: роды Лирин должны были вот-вот начаться после тяжёлого периода беременности, омрачённого тревожными предзнаменованиями и снами, которые не сулили ничего доброго.

Глава побочной ветви клана Сансэн, Веларион, сидел в своём кабинете, погружённый в мрачные мысли. Помещение было оформлено в стиле эпохи Эдо: низкие деревянные столы с лакированной поверхностью, раздвижные двери сёдзи с полупрозрачной бумагой, на стенах — свитки с каллиграфическими надписями и пейзажами, изображающими горные вершины и бамбуковые рощи. В углу стоял небольшой алтарь с подношениями духам предков, а мягкий свет от бумажных фонарей создавал приглушённое, почти мистическое освещение.

Веларион размышлял о том, что произошло вчера: в основной ветви клана родились близнецы, наделённые невероятной силой. Это событие перечёркивало его давний план — вывести побочную ветвь из тени основного клана. Близнецы с такой мощью рождались крайне редко, и это означало, что внимание старейшин и ресурсы клана теперь будут сосредоточены на основной ветви. К тому же шестое чувство подсказывало Велариону, что ребёнок Лирин и Велиуса родится мёртвым — предзнаменования были слишком явными.

Размышления Велариона прервал стук в дверь. Вошёл посыльный, склонился в почтительном поклоне и передал сообщение:

— Господин, роды начались.

Веларион поднялся, стараясь скрыть волнение, и направился в покои своего младшего сына. Его шаги эхом отдавались в длинных коридорах поместья, а мысли метались меж-

ду надеждой и отчаянием.

В покоях Велиус встретил отца с облегчением. Он расхаживал из угла в угол, нервно сжимая и разжимая кулаки, не зная, куда себя деть.

— Отец, — произнёс он, слегка поклонившись. — Я рад, что ты пришёл. Не знаю, что делать... Всё происходит так быстро, а я... я не готов.

Веларион положил руку на плечо сына и произнёс твёрдо, хотя в душе не чувствовал уверенности:

— Всё будет хорошо, Велиус. Доверься судьбе и силе нашего рода.

«На самом деле всё далеко не так», — подумал Веларион про себя, но не стал озвучивать эти мысли.

Роды проходили тяжело и долго. Четыре долгих часа дом наполняли стоны Лирин, приглушённые голоса повитух и напряжённое молчание Велиуса и Велариона, которые ждали за дверью. Время тянулось мучительно медленно, каждый звук заставлял их вздрагивать и прислушиваться.

Наконец, их позвали увидеть ребёнка. Велиус и Веларион поспешили в другую комнату. По пути Веларион подумал: «В этот раз я всё-таки ошибся. Возможно, всё не так плохо, как я предполагал».

Но, войдя в комнату, он с горечью понял, что его предчувствия не обманули. На руках Лирин лежал задыхающийся мальчик. Его грудь едва вздымалась, а лицо было бледным, почти прозрачным. Велиус замер, не в силах вымолвить ни

слова, а Лирин прижимала ребёнка к груди, её глаза были полны слёз.

Они беспомощно, с отчаянием взирали на то, как мальчик умирает. И в тот момент, когда его дыхание прекратилось, комнату озарила ярчайшая вспышка света. Все ослепли на несколько минут, а когда зрение вернулось, они увидели, что мальчик спокойно дышит и с трудом открывает глаза.

Велиус выдохнул, не веря своим глазам, а Веларион почувствовал, как внутри него зарождается новая надежда — странная, пугающая, но всё же надежда. Что-то изменилось в этом мире, и этот ребёнок, возможно, станет ключом к судьбе всего клана.

Глава первая. Часть 5.

Сознание возвращалось медленно и мучительно, по крупицам. Сначала было ощущение невесомости, будто я парю в абсолютной пустоте. Затем в сознание ворвались звуки: далёкий гул, похожий на шёпот людей говорящих на смутно знакомым для меня языке, и мерное биение сердца... нет, не одного, а двух. Одно билось ровно и спокойно, второе же быстро, прерывисто, словно у испуганной канарейки.

Я попытался открыть глаза, но свет оказался невыносимо ярким он резал, будто тысячи крошечных лезвий и сразу замурился, пытаясь укрыться от этого неприятного ощущения.

- «Где я? Что происходит? Это сон?» - мысль прозвучала

глухо, словно сквозь толщу воды.

Изо всех сил сделал, ещё одну попытку и на этот раз мне удалось приоткрыть веки - всего на мгновение, но этого хватило, чтобы увидеть - я лежал на руках красивой женщины, а надомной склонились две мужских фигуры. Приглядевшись, я увидел, что над нами стоял крепкий, крупный мужчина лет пятидесяти на вид. Его белоснежные, как снег, волосы были зачёсаны назад, открывая высокий лоб, а пронзительные голубые глаза смотрели с глубокой, почти древней мудростью. От него веяло силой — не просто физической, а ментальной мощью* (примечание «это был его дед, глава побочной ветви одного из 13 главных кланов»).

Слева от «деда» застыл ещё один мужчина* (примечание «это был его отец»). На вид ему было около тридцати лет, он был чуть выше среднего роста. Чёрные, как вороново крыло, длинные волосы слегка вились на концах, а ярко-голубые глаза сверкали, словно два драгоценных камня. В его облике сочетались притягательная красота и дикая, необузданная сила. Он стоял чуть позади, но его взгляд был прикован к младенцу - в нём читались одновременно облегчение, трепет и гордость.

Державшая меня на руках, измученная на вид женщина была с кожей цвета слоновой кости, глазами, напоминающими яркую луну, и длинными серебристо-платиновыми волосами, струящимися по плечам. Приглядевшись к ней внимательнее я понял что она была похожа на темного эльфа точь-

в-точь как в аниме-сериалах которые я любил смотреть. В её взгляде читалась смесь усталости, радости и облегчения.

Старший по возрасту из двух мужчин осторожно взял младенца на руки. Его ладони, широкие и мозолистые, словно привыкшие к мечу и магии в равной степени, бережно поддерживали крошечное тельце.

- Всё получилось, и он пришёл в себя, - произнёс мужчина низким, властным голосом, в котором, однако, звучала нотка облегчения, смешанная с недоумением. - Смотри, Велиус. Его глаза... Они не такие, как у обычных детей.

Велиус склонился ближе и осторожно коснулся крошечной ручки младенца. На мгновение его глаза вспыхнули холодным голубым огнём, а следом за этим на коже каждой из рук ребёнка проступили руны, переплетаясь в сложный рунический узор.

— Что это было?.. — тихо произнёс Веларион, всё ещё находясь под впечатлением от вспышки. — Этот свет... Он спас ребёнка, я чувствую это. Но откуда он взялся? Почему именно сейчас?

— Вчера в основной ветви клана родились близнецы, живые и здоровые, — отозвался Велиус, не отрывая взгляда от сына. — Отец, может, это как-то связано? Возможно, рождение столь могущественных детей каким то образом повлияло и на нашего ребенка?

— Вполне возможно, — кивнул старший, задумчиво поглаживая подбородок. — Но глаза этого ребёнка... У детей

такого возраста они не должны вспыхивать так рано, и тем более — голубым цветом. Это ненормально. Ведь обычно цвет — алый.

И ещё кое-что меня смущает... Ребёнок не издал ни звука с тех пор, как пришёл в себя. Ни крика, ни плача — он не обычный младенец. А взгляд... Посмотри, Велиус: он смотрит на нас вполне осмысленно. Слишком осмысленно для новорождённого.

Велиус склонился ниже, всмотрелся в глаза ребёнка и медленно кивнул.

— Ты прав, отец. Мне... не по себе от этого взгляда. В нём есть что-то странное.

Лирин подняла взгляд на мужа.

— Да, — тихо сказала она. — В них есть что-то... осмысленное и древнее. Возможно, это кровь деда и отца уже пробуждается. И хоть ты седьмой сын в роду, но именно тебе суждено было дать жизнь тому, кто соединит две крови.

Велиус слегка нахмурился.

— Но как? — произнёс он. — Мы ничего не делали специально. Не проводили ритуалов, не зывали к духам... Всё произошло само собой. Может, это знак? Знак, что судьба выбрала нас?

Лирин мягко покачала головой.

— Или это просто стечение обстоятельств, — предположила она. — Ребёнок был жив в первые секунды жизни, просто редко дышал и не закричал при рождении. Возможно, он

сам восстановился — сила рода помогла ему, без каких-либо знаков свыше. Мы не можем знать этого наверняка.

Старший мужчина помолчал, обдумывая слова снохи, затем медленно кивнул.

— В чём-то ты права, Лирин, — произнёс он. — Может, и не было никакого «знака». Договор с Богиней мы не заключили. Скорее всего, это действительно сила нашего рода проявилась в критический момент.

Велиус вздохнул и, словно отпустив спор, слегка расслабился.

- Что ж, - сказал он, - можно всё обдумать и позже. Главное, что мой сын жив, а сейчас необходимо помыть ребёнка, позвать кормилицу и уложить его спать.

Лирин улыбнулась, осторожно прижимая младенца к груди.

- Да, - согласилась она. - Пусть отдыхает. Ему предстоит долгий путь.

Старший кивнул, бросив последний взгляд на ребёнка, чьи глаза всё ещё мерцали едва заметным голубым отблеском, а на руках слабо светились рунические узоры.

- Пусть отдыхает, - повторил он. - И пусть сила рода хранит его.

В ответ на их слова я их слова попытался пошевелиться, но тело не слушалось, оно было крошечным, слабым, непривычным. Попытался заговорить, но в место слов я услышал лишь свой слабый писк.

- «Я жив... и я... младенец?» - осознание данного факта обрушилось на разум, словно лавина.

Воспоминания нахлынули новой волной: Хиросима, взрыв, землетрясение, Маша, круг с символами и яркая вспышка света.

Теперь всё увиденное мной обретало смысл и в то же время становилось ещё более загадочным. Умерев я не исчез, а переродился в ином мире, в теле младенца.

Глядя на свои крошечные ручки, в глубине души я чувствовал смятие и страх, ведь получается это не конец, а только начало новой жизни. Где-то на краю моего сознания шевельнулась мысль «А что же с Машей, Акиро и Хинатой. Они умерли или как я переоделись? Неужели все это реальность?» но все мои размышления прервала незнакомая женщина в форме горничной, которая бережно взяв засыпающего меня на руки, понесла прочь из этой комнаты.

Глава вторая. Часть 1.

Тело младенца ощущалось невероятно неудобным - непослушные ручки и ножки, отсутствие контроля над мышцами, постоянная потребность в сне и еде. Я пытался осмыслить произошедшее, но разум то и дело проваливался в дремоту.

Проснувшись в очередной раз, я обнаружил себя в просторной детской комнате, оформленной в традициях японских замков. Низкие потолки поддерживали массивные тёмные балки из кипариса, а стены были отделаны раздвижны-

ми фусума с изящной росписью — на них были изображены цветущие сливы и журавли, парящие над горными вершинами. Пол покрывали татами с плетёной соломенной основой и окантовкой из тёмного тростника. В углу стояла низкая колыбель из лакированного дерева с инкрустацией из перламутра — именно в ней я и лежал.

Меня разбудил сильный голод и одно очень неприятное ощущение. Постель была мокрой, я беспокойно заворочался и запищал от дискомфорта.

Рядом со мной сидела молодая женщина, почти девушка, с тонкими чертами лица и аккуратным носиком. Она была среднего роста, худощавого телосложения, с длинными, спускающимися до пояса волосами цвета светлого мёда. Её серо-зелёные глаза смотрели с мягкой заботой, а на губах играла добрая улыбка. Одета она была в строгое чёрное платье, фасон которого чётко указывал на её положение — оно было выполнено в традиционном стиле горничных: с высоким воротником, длинными рукавами и простым, но аккуратным кроем, без лишних украшений, лишь тонкая белая окантовка вдоль воротника и манжет придавала ему немного изыска.

— Очнулись, маленький господин? — её голос звучал тепло и заботливо. — Сейчас я вас переодену, а затем придёт кормилица.

Я невольно замер, вслушиваясь в её слова ведь что-то, в этой доброте и миловидности смутило меня. От горничной

исходило странное ощущение опасности — не явной, а скрытой, затаённой. В её цепком взгляде читалась выучка профессионального бойца: он словно оценивал каждое моё движение, каждую попытку пошевелиться, готовясь мгновенно отреагировать на любую угрозу.

Ещё больше насторожила едва заметная аура вокруг неё — плотная, пульсирующая, похожая на воздух над горячим асфальтом в летний зной. И в глубине серо-зелёных глаз проскальзывало лёгкое алое мерцание, будто тлеющие угли, готовые вспыхнуть в любой момент.

От осознания этого по спине пробежал холодок. Я испугался и оцепенел, решив притвориться безвольной куклой — не шевелиться, не подавать лишних признаков осознанности, пока не разберусь, что происходит и насколько опасна эта женщина на самом деле.

Пока она хлопотала вокруг меня, я пытался проанализировать ситуацию. Перерождение. Другой мир. Руны на руках. Глаза, которые светятся голубым вместо положенного алого. Всё это выглядело как сюжет дешёвого фэнтези-романа, но ощущения говорили об обратном: это реальность.

«Нужно собрать как можно больше информации, — думал я. — Узнать, где я, в какой семье, каковы местные законы и обычаи. И главное — понять, что случилось с Машей, Акиро и Хинатой. Переродились ли они тоже? Или остались погребёнными под обломками здания?»

Горничная завершила свои хлопоты и осторожно подняла

меня на руки.

В этот момент в дверь постучали.

— Войдите, — разрешила горничная.

Дверь приоткрылась — это была седзи с полупрозрачной бумагой васи, пропускавшей мягкий рассеянный свет, — и в комнату вошла женщина средних лет и комплекции. У неё было округлое доброе лицо, длинные чёрные волосы, серые глаза и полная грудь. Она слегка поклонилась и остановилась у порога, ожидая указаний.

— А вот и кормилица, — сказала горничная и передала меня в руки новой женщины.

Кормилица бережно приняла меня, поправила складки платья и, достав грудь, попыталась накормить.

От такого поворота я пришёл в смятение. Мысли вихрем проносились в голове: «Да что это? Как такое возможно? За что мне это?» Затем я вспомнил, что теперь я младенец, и в этом действии нет ничего необычного.

Оценив ситуацию, я отметил про себя, что грудь кормилицы очень хороша и подтянута. Но тут же осознал, что мои мысли какие-то не те, совсем не подходящие для младенца. Хоть голод и мучил меня, я с силой оттолкнул грудь руками, открыл рот и недовольно запищал.

Кормилица никак не могла справиться с моим сопротивлением. Она беспомощно посмотрела на горничную и произнесла:

— Никак не получается с ним совладать. Он ненормально

силён для младенца, и я боюсь ему навредить.

На эти слова горничная нахмурилась, наклонилась ближе ко мне. Увидев, что мой рот открыт, она заметила вампирские клыки — и резко напряглась, как пружина, побледнела, не отрывая взгляда от необычной детали.

— Вампирские клыки... у младенца? — пробормотала она вслух, словно не в силах поверить в увиденное. — Это просто невозможно. В таком возрасте они не прорезаются — даже у чистокровных вампиров первые клыки появляются не раньше чем в два года, а полноценные — лишь к двадцати годам. Если это действительно то, что я вижу... необходимо немедленно показать его господам. И почтенному главе клана. Они должны знать о таком необычном признаке. Это может быть знаком чего-то большего — или, напротив, свидетельством какой-то аномалии, требующей пристального внимания.

В ответ на её испуг и слова я очень удивился подумав: «Вампирские клыки?... У младенца? То есть меня... Стоп ВАМПИРЫ??!! Бред какой-то, что она говорит такое?!!». Но чудом коснувшись непослушным языком переднего зуба и правда, похожего на клык я удивился еще больше: «А зуб и правда есть, но я же младенец второй день отроду.... Но вампир?... Меня убьют... точно убьют... вот она что все на меня смотрела....»

Мы прошли по длинному коридору, выстроенному в духе замков периода Эдо: вдоль стен тянулись ряды тёмных де-

ревянных колонн, поддерживающих крышу с характерным изгибом. Пол был выложен широкими досками из полированного дуба, а вдоль стен стояли низкие шкафы с лакированной поверхностью, украшенные резьбой с изображением драконов и волн. Раздвижные сидзи с бумагой васи пропускали мягкий, рассеянный свет, создавая игру теней на полу. В нишах вдоль коридора стояли бронзовые курильницы, откуда поднимался тонкий аромат сандала, а на стенах висели свитки с каллиграфическими надписями и традиционные самурайские мечи в чёрных лакированных ножнах.

Лирин — моя новая мать — находилась в небольшой гостиной, обустроенной в строгом соответствии с традициями эпохи Эдо. Комната была разделена на зоны с помощью фусума и сидзи, украшенных изображениями бамбука и хризантем. В центре располагалась низкая платформа с татами — место для приёма гостей, а вдоль одной из стен тянулась ниша токонома, где на фоне тёмного дерева выделялся свиток с каллиграфией и небольшая ваза с веткой цветущей сакуры. Лирин сидела у низкого очага ирори, рядом с которым был расстелен мягкий коврик. Она была погружена в чтение толстой книги с обложкой из тиснёной кожи и пергаментными страницами.

При виде нас женщина отложила книгу и поднялась навстречу. Её глаза лучились теплом и нежностью.

— Мой малыш проснулся, — она протянула руки, и горничная передала меня ей. — Как ты себя чувствуешь?

Я не мог ответить словами, но постарался посмотреть на неё как можно более осмысленно. Лирин улыбнулась, прижала меня к груди и начала медленно ходить по комнате, укачивая.

— Ты такой необычный, — прошептала она. — Даже когда спишь, кажется, будто ты о чём-то размышляешь. Словно в тебе живёт чья-то другая душа...

От этих слов у меня по спине пробежал холодок. Неужели она что-то подозревает?

В этот момент дверь распахнулась, и в комнату вошёл Велиус. Его взгляд сразу устремился к нам.

— Как он? — спросил отец, подходя ближе.

— Всё хорошо, — ответила Лирин. — Проснулся, выглядит бодрым.

Велиус склонился надо мной, всматриваясь в лицо. Его глаза на мгновение вспыхнули голубым светом, как тогда, при рождении.

— Руны всё ещё видны, — произнёс он. — Слабо, но заметны. И глаза... они всё ещё иногда мерцают. Это не просто особенность. В нём что-то есть. Что-то, чего я не могу понять.

Лирин вздохнула.

— Может быть, это дар Богини? Или наследие предков? Мы можем только ждать и наблюдать.

— Наблюдать, — повторил Велиус. — И защищать. Если кто-то узнает о его особенностях, это может привлечь неже-

лательное внимание.

Я внутренне содрогнулся. Значит, моя необычность — не просто странная черта, а потенциальная угроза. Нужно быть осторожнее.

— Мы будем оберегать его, — твёрдо сказала Лирин. — Что бы ни случилось.

Велиус кивнул и протянул руку, чтобы коснуться моей щёки. В тот момент, когда его пальцы соприкоснулись с кожей, я почувствовал слабый импульс энергии. Что-то внутри меня откликнулось на этот контакт — едва заметное тепло разлилось по телу.

Отец удивлённо приподнял бровь.

— Он реагирует, — тихо произнёс он. — Чувствует связь. Лирин улыбнулась.

— Конечно, чувствует. Он твой сын.

Я закрыл глаза, пытаюсь осмыслить услышанное. Связь. Энергия. Всё это теперь часть моей жизни. И если я хочу выжить в этом мире, а возможно, когда-нибудь вернуться к тем, кого оставил в разрушенном здании у мемориала в Хиросиме, мне нужно научиться управлять этими силами.

Но сначала — вырасти. Научиться ходить, говорить, понимать этот мир. И не выдать себя раньше времени.

Горничная, стоявшая в стороне рядом с кормилицей, кашлянула, привлекая внимание, и заговорила:

— Госпожа, господин, — её голос звучал сдержанно, но в нём чувствовалась тревога, — возникла сложность с корм-

лением маленького господина. Он отказывается принимать пищу у кормилицы — сопротивляется с необычной для младенца силой. Мы опасаемся, как бы в процессе не навредить ему.

Лирин слегка нахмурилась, а Велиус внимательно посмотрел на горничную, ожидая продолжения. Та сделала короткий вдох и продолжила, понизив голос:

— И есть ещё одна деталь... крайне необычная. Когда я пыталась успокоить его, я заметила... вампирские клыки. У младенца. Я понимаю, насколько это звучит невероятно, но я видела их собственными глазами. Даже у чистокровных вампиров они не прорезаются в таком возрасте — первые появляются не раньше двух лет, а полноценные — лишь к двадцати.

Велиус и Лирин обменялись напряжёнными взглядами, горничная продолжила:

— Кроме того, отец господина Велиуса наставлял нас: если заметим какие-либо странности в развитии маленького господина, мы обязаны незамедлительно сообщить ему. В свете случившегося я полагаю, что стоит сообщить ему о столь необычном признаке. Возможно, он подскажет, как действовать дальше и как безопасно накормить ребёнка.

Велиус на мгновение задумался, затем твёрдо произнёс:

— Хорошо. Вы трое следуйте за мной. Мы направимся в личный тренировочный зал главы, хотя он и располагается на последнем этаже главной башни в этот час отец обычно

проводит тренировочную медитацию и мы точно застанем его там одного и без лишних глаз обсудим ситуацию и решим, какие шаги предпринять.

Лирин кивнула, её лицо выражало смесь тревоги и решимости. Она бережно прижала младенца к груди.

— Да, — тихо сказала она. — Так будет правильно. Пойдёмте.

Горничная и кормилица склонили головы в знак согласия, и вся группа двинулась к выходу из гостиной, оставляя позади уютную обстановку ради серьёзного разговора с главой клана.

Группа молча двинулась по коридору — впереди шёл Велиус, за ним Лирин с младенцем на руках, следом горничная и кормилица. Широкая лестница с лаконичными деревянными перилами вела на верхние этажи. Ступени из тёмного полированного дерева мягко поскрипывали под ногами, а вдоль лестничных пролётов тянулись раздвижные двери-сёдзи с полупрозрачными бумажными вставками, сквозь которые пробивался рассеянный свет бумажных фонарей.

С каждым шагом напряжение нарастало. Лирин прижимала младенца ближе, словно пытаясь защитить его от неизвестных угроз, а горничная с кормилицей переглядывались, не решаясь нарушить тишину. Велиус шёл уверенно, но в груди его теснилось беспокойство: что скажет отец? Как отреагирует на столь невероятную новость?

Наконец они достигли последнего этажа главной башни.

У массивных раздвижных дверей из лакированного дерева с бронзовыми накладками в виде хризантем стояли двое теплохранителей в традиционных доспехах самураев. Завидев Велиуса, они выпрямились и синхронно склонили головы.

— Господин Велиус, — произнёс один из них, — глава клана сейчас один. Он распорядился пропускать вас без задержки в любое время, независимо от того, занят он или нет.

Велиус сдержанно кивнул, но внутри него вспыхнула радость. Будучи седьмым сыном, он редко удостоивался подобного внимания со стороны отца — обычно встречи требовали предварительного согласования и долгих ожиданий. «Это хороший знак», — мысленно отметил он и жестом пригласил спутников следовать за собой.

Двери плавно скользнули в сторону, и группа вошла в просторный зал на вершине башни. Помещение было устроено как смотровая площадка: низкие деревянные потолки с резными балками, татами на полу, вдоль стен — ниши-токонома с икебаной и свитками с каллиграфией. В центре зала — широкий проём с раздвижными дверями-фусума, ведущими на открытую площадку с парапетом.

На смотровой площадке, в окружении лёгкого морского бриза, сидел глава клана. Он расположился на подушке-дабутон перед низким лакированным столиком. На столике — чашка из тонкого фарфора, чайник и чугунный сосуд на жаровне, от которого поднимался лёгкий дымок. Перед

ним открывался вид на раскинувшийся внизу крупный портовый город с его причалами, мачтами кораблей и суетливыми улочками, а дальше — бескрайнее море, отливающее алым в лучах заката.

Заслышав шаги, глава обернулся. Без лишних приветствий он окинул вошедших внимательным взглядом и коротко спросил:

— Что случилось?

Велиус сделал шаг вперёд и вкратце изложил суть проблемы: рассказал об отказе младенца принимать пищу, о его необычной силе и, наконец, о вампирских клыках, которые появились слишком рано. Лирин, стоя рядом, протянула ребёнка вперёд, чтобы отец мог его разглядеть.

Глава клана поставил чашку на столик, поднялся и медленно подошёл ближе. Он внимательно осмотрел младенца, приподнял его подбородок, изучая приоткрытый ротик. В зале повисла напряжённая тишина — горничная, кормилица и даже Велиус с Лирин замерли, затаив дыхание, ожидая вердикта. А ребёнок, словно не ощущая всеобщего напряжения, беззаботно таращился на главу во все глаза и тянул к нему руки, будто хотел ухватиться за его халат и рассмеяться.

Глава медленно выпрямился и произнёс:

— Это... действительно необычно.

Несколько долгих мгновений глава молчал, погружившись в раздумья. В его сознании проносились обрывки древних

хроник. За последние 3 000 лет истории, что он знал от потомков, подобное случилось лишь четыре раза.

Первый случай произошёл, когда 600 лет назад родился один из сильнейших вампиров — Виктор по прозвищу «Кровавая Луна». Он завоевал все 20 островов архипелага, объединил их в одно государство и основал свою королевскую династию, создал систему из семнадцати главных кланов, из которых в результате войны 300 лет назад полностью были уничтожены четыре.

Ещё два случая произошли 400 лет назад: у Виктора появились двое детей с подобными способностями, хоть и слабее, чем у него, — от брака с членом королевской семьи высших тёмных эльфов.

И последний случай случился 330 лет назад. Тогда основатель, пытаясь спасти от смерти своего младшего новорожденного сына, заключил сделку с богом Локи, который обманул его, приняв облик бога вампиров. Локи под личиной Лилит, провёл запретный ритуал призыва героев из другого мира в обмен на огромную часть запасов эфирных кристаллов. Эти действия разгневали бога вампиров Лилит, ведь Локи нарушил договор о невмешательстве в сферу влияния других богов. В отместку Лилит для искупления своей вины, повелела Виктору предать огню и мечу ряд соседствующих государств светлых эльфов и людей, покорить их, а также взять под контроль источники эфирных кристаллов. Лишь вмешательство богов нейтрального пантеона — Ра и Сета — по-

могло людям и эльфам одержать победу.

Глава клана медленно опустился на дзабутон, жестом пригласив Велиуса и Лирин подойти ближе.

— Положите ребёнка рядом, — тихо произнёс он. — И расскажите всё ещё раз. Каждую мелочь, какой бы незначительной она ни казалась.

Лирин осторожно опустила младенца на татами. Тот тут же перекатился на живот и попытался ползти, демонстрируя силу, не свойственную новорождённым.

Велиус начал рассказ заново, стараясь ничего не упустить.

Глава клана слушал молча, лишь изредка кивая. Когда Велиус закончил, он долго смотрел на играющего младенца.

После долгой паузы глава клана произнёс ровным голосом:

— Нам нужно действовать осмотрительно. Прежде всего — обеспечить безопасность ребёнка и тех, кто рядом с ним. Велиус, выдели надёжную охрану для покоев, где будет находиться младенец. Пусть дежурят посменно, и пусть каждый будет предупреждён: любые необычные проявления — сразу докладывать лично мне.

Велиус склонил голову:

— Будет исполнено, отец.

Лирин, не в силах сдержать тревогу, шагнула вперёд и тихо спросила:

— Господин... Но чем же нам кормить младенца? Он отказывается от всего, что мы предлагали.

Глава клана вздохнул и ответил:

— Я бы и сам хотел это знать. Этим должны были заниматься более подготовленные люди... — при этих словах он строго поглядел на кормилицу, которая невольно опустила глаза, стараясь не встречаться с ним взглядом.

Кормилица низко склонила голову и тихо сказала:

— Господин, у нас есть сосуды с особыми носиками для кормления... Но это не совсем безопасно — ребёнок может подавиться. — Она на мгновение замолчала, набираясь смелости, а затем несмело прошептала: — И... раз уж у него появились клыки... может быть, попробовать дать ему крови?

В зале повисла напряжённая тишина. Велиус невольно сделал шаг назад, Лирин побледнела, а глава клана замер, пристально глядя на кормилицу.

— Кровью? — медленно переспросил он. — Ты предлагаешь кормить новорождённого кровью?

— Только немного, господин, — едва слышно ответила кормилица. — Чтобы утолить голод и проверить... проверить, подойдёт ли это ему.

А в это время пока они спорили в моей голове проносился вихрь мыслей и ощущений «Как же хочется есть... И пить... Голод и жажда нарастают с каждой секундой — они уже не просто голод и жажда, а что-то большее, разъедающее изнутри.

Тело ноет, особенно зубы — будто пульсируют в такт какому-то странному ритму. В ушах шумит, словно где-то да-

леко бьются волны о скалы, и этот звук только усиливает путаницу в мыслях. Перед глазами опускается красная пелена — она то сгущается, то чуть рассеивается, но совсем не уходит.

Мне всё равно, что дадут. Молоко? Кровь? Без разницы. Лишь бы это прекратилось — это невыносимое ощущение пустоты, которое высасывает силы. Я уже не могу сосредоточиться: мысли разбегаются, как испуганные мыши, и я едва удерживаю их, чтобы не потерять связь с реальностью.

И вдруг в голове возникает мысль: кровь.

Я замираю, поражённый. Почему именно кровь? Но вместо страха или отвращения я чувствую... интерес. Какой она на вкус? Сможет ли она утолить этот голод, который уже не просто голод, а какая-то первобытная потребность?

Я удивляюсь что эта мысль не кажется странной или пугающей. Наоборот — она ощущается правильной, естественной, будто воспоминание о чём-то давно забытом.

Может, если мне дадут крови, всё пройдёт? — мелькает в сознании. — Может, тогда боль утихнет, шум в ушах стихнет, а пелена перед глазами исчезнет?».

Глава клана помолчал, обдумывая сказанное, затем перевёл взгляд на младенца. В его глазах мелькнуло решение — твёрдое, непреклонное.

— Что ж, — произнёс он наконец, — попробуем. Я сам дам ему испить крови.

Велиус невольно сделал шаг вперёд, лицо его исказилось

от тревоги:

— Отец, это... это слишком опасно!

Лирин, бледная как полотно, подхватила:

— Господин, умоляю, не делайте этого! Вдруг что-то пойдёт не так?

Кормилица и служанка отступили в сторону, опутив глаза, но в их взглядах читалось не меньшее беспокойство.

Глава клана поднял руку, останавливая их возражения. Его голос прозвучал резко, властно:

— Довольно. Вы забываетесь. Что сможет сделать мне младенец? Если есть хоть малейший шанс, что кровь поможет ему, я готов рискнуть.

Велиус сжал кулаки, не решаясь возразить открыто, но всё же не смог удержаться:

— Но, отец... Это же великая честь — позволить испытать своей крови. За все двести лет ни один из ваших детей, даже старший сын и наследник, не устаивался подобного. А я... я всего лишь седьмой сын. Мои братья и сёстры... они будут в ярости, когда узнают.

— Меня не волнует, что подумают мои дети, — отрезал глава клана. — Это моё решение, и оно не подлежит обсуждению. Наследником может стать любой, кого я сочту достойным, — не обязательно первенец. И если этот младенец выживет и проявит силу, он будет иметь все права наравне с остальными. Никто не вправе перечить моей воле.

Велиус и Лирин переглянулись, но больше не осмелились

возражать. Они знали: когда глава клана говорит таким тоном, спорить бесполезно.

Он подошёл к младенцу, осторожно взял его на руки. Тот, словно почувствовав что-то, перестал капризничать и устался на деда большими, не повозрасту осмысленными глазами. Глава клана поднёс ко рту боковую сторону ладони, слегка надрезал кожу тонким кинжалом, который всегда носил при себе, и поднёс руку к губам младенца.

Тот на мгновение замер, будто в раздумье, а затем, уцепившись маленькими ручками за запястье деда, с неожиданным для его возраста проворством укусил руку. На лице младенца отразилось наслаждение — он жадно присосался к ранке, делая редкие, но уверенные глотки.

Велиус и Лирин замерли, не в силах отвести взгляд. В зале повисла напряжённая тишина, нарушаемая лишь тихим звуком, с которым младенец пил кровь. Глава клана стоял неподвижно, глядя на внука. Через несколько мгновений его кожа приобрела пепельный оттенок, и он, едва удержав ребёнка, упал на одно колено.

Тело младенца вдруг стало окутывать нечто зловещее — плотная, почти осязаемая красная аура, будто сотканная из сгустившегося воздуха. Глаза малыша вспыхнули холодным голубым пламенем, отбрасывая призрачные блики на стены зала.

Кормилица, Лирин и Велиус бросились к главе клана. Служанка, проворно подскочив, выхватила младенца из

ослабевших рук правителя и быстрыми прыжками отнесла его в центр тренировочного зала, бережно положив на татами. Затем она стремительно вернулась назад, встав рядом с кормилицей — обе женщины заняли оборонительные позиции между ребёнком и главой клана, напряжённо следя за происходящим.

Тем временем Лирин и Велиус подхватили под руки главу, не дав ему окончательно упасть на колени. Поддерживая его, они невольно обратили взгляды в центр зала — туда, где красная аура и голубое пламя, исходящие от младенца, начали смешиваться, сливаясь в единое целое и приобретая насыщенный фиолетовый цвет. Волны энергии, видимые даже невооружённым глазом, расходились от ребёнка кругами, заставляя дрожать татами под ногами.

Лирин, охваченная страхом и отчаянием, прошептала:

— Что же это... — она попыталась двинуться в сторону своего дитя, но и глава клана, и Велиус крепко держали её за руки, не позволяя приблизиться к загадочному явлению.

Глава вторая. Часть 2.

Пока я пил кровь, в сознании вспыхнуло ошеломляющее откровение — я вкусил божественный нектар. Ничто прежде не дарило подобных ощущений: даже самые страстные мгновения с девушками в постели меркли перед этим всепоглощающим наслаждением.

Голод и боль, терзавшие меня с первых мгновений жизни,

начали отступать — сначала робко, затем всё решительнее, словно туман под лучами солнца. На смену им пришло чувство эйфории: каждая клеточка тела наполнялась теплом и силой, напряжение покидало мышцы, шум в ушах затихал, а красная пелена перед глазами постепенно рассеивалась. Я ощущал, как восстанавливается связь с реальностью — чётче становились звуки, ярче — цвета, острее — запахи.

Но это блаженство длилось недолго.

Внезапно на мой разум обрушилось цунами информации — мощный, неудержимый поток, который захлестнул меня с головой. В сознании вспыхивали обрывки знаний: устройство мира, его многовековая история, тайны древних родов, основы магии, чьи-то воспоминания — яркие, чуждые, пугающие. Навыки, умения, заклинания, карты далёких земель, имена забытых героев, законы мироздания... Всё это вливалось в мой мозг с такой скоростью, что я просто не успевал осмыслить хотя бы часть.

Сознание пронзила острая боль — будто тысячи игл одновременно впились в виски. Тело ломило, выворачивало, кости хрустели, мышцы сводило судорогой. Я почувствовал, что уже не лежу на руках деда — я стою. Нет, не так: сначала я оказался на четвереньках, а затем резко выпрямился на двух ногах.

Подняв голову к потолку зала, я издал истошный вопль — нечеловеческий, полный отчаяния и страданий. В нём смешались боль, страх, безысходность и что-то ещё, первобыт-

ное, древнее, давно забытое. Звук вырывался из груди сам собой, сотрясая стены, заставляя дрожать татами под ногами.

Когда я закончил кричать, боль внезапно отступила. Вместо неё я почувствовал, как сила буквально разрывает меня изнутри — её свет пульсировал под кожей, угрожая взорваться в любой момент. Это неприятно напомнило мне мой давний кошмар о ядерном взрыве в Хиросиме: та же слепящая вспышка, тот же грохот, от которого лопаются барабанные перепонки... Неужели это повторится снова? Неужели вот он — мой конец?

Я повернул голову и увидел мать, отца, деда... А между нами — мерцающий барьер, сотканный из переплетения рун и магической энергии. Время словно замедлилось, звуки приглушились, а мир вокруг стал размытым и нереальным.

И тут я услышал голос — насмешливо-высокомерный, молодой женский:

— Мальчик, если хочешь жить — и, возможно, ещё с кем-то встретиться, — представь, что вся энергия внутри тебя превращается в свет. Представь, что он идёт вверх под углом, пробивает потолок, а потом, когда вся покинет твоё тело, взрывается высоко-высоко в небе. Ну, как в твоих кошмарах раньше... — голос добавил ехидный смешок.

Осознав эти слова за одно мгновение, я развернулся в сторону, вытянул руки вверх под углом и представил...

Столб ослепительного света рванулся ввысь, пронзая по-

толок и устремляясь в небеса. Вспышка, грохот — всё повторилось, как в моём кошмаре. Мир заполнился белым, затем — оглушительной тишиной. И снова наступила темнота...

В зале повисла гнетущая тишина, нарушаемая лишь едва уловимым гулом магической энергии, заполнившей пространство. Все присутствующие застыли в напряжении, не зная, чего ожидать от следующего мгновения.

Вдруг фиолетовое пламя над ребёнком в центре зала запылало с удвоенной силой — оно взметнулось вверх, словно огненный столб, озарив помещение мерцающим светом. Воздух задрожал, наполнившись ощутимой вибрацией, от которой зазвенело в ушах.

За какие-то 5–10 минут — а может, и вовсе за мгновения, в которых время потеряло смысл, — младенец начал стремительно меняться. Его тельце быстро росло, пелёнки лопнули и разлетелись клочьями по татами. Перевернувшись со спины на живот, он встал на четвереньки, а затем, продолжая расти, поднялся на ноги.

Через мгновение перед изумлёнными свидетелями стоял ребёнок ростом с 10–11-летнего мальчика. Он запрокинул голову под неестественным углом и издал громкий, протяжный крик — звук, который, казалось, проникал в самую глубину души, вызывая одновременно ужас и благоговейный трепет.

Тело мальчика больше не окутывала фиолетовая аура. Теперь его охватывало золотое свечение — мягкий, но интен-

сивный свет, будто идущий изнутри, сквозь кожу. Он пульсировал в такт ударам сердца, отбрасывая блики на стены и потолок. Этот свет не просто сиял — он обжигал присутствующих.

Лирин невольно отшатнулась, почувствовав, как кожу покалывает от исходящей от ребёнка энергии и не в силах сдерживать эмоции, разрыдалась — слёзы брызнули из её глаз. Она попыталась вырваться из рук Велиуса, броситься к сыну, но тот крепко держал её, не позволяя сделать ни шага. Они оба — Велиус, и глава клана — со смесью страха, жалости и благоговения взирали на представшую картину, не отрывая взгляда от преображённого ребёнка.

В то же время кормилица и служанка, не теряя самообладания, развернули несколько многослойных защитных щитов. Ткань магии сплеталась в воздухе, образуя полупрозрачные барьеры с узорами древних рун. Женщины встали в стойку, готовые в любой момент усилить защиту или отразить возможную угрозу, их лица были бледны, но решительны, ведь они знали, что сейчас важнее всего уберечь своих господ от гибели.

Мальчик умолк так же внезапно, как и закричал, обернулся и обвёл всех присутствующих взглядом в котором читался недетский ум. Время будто замедлилось, а движения стали тягучими, звуки приглушились, воздух сгустился, словно вязкий сироп.

Затем мальчик плавно развернулся, вытянул руки вверх

под углом и из его ладоней вырвался ослепительный столб света, устремившийся ввысь, пронзая потолок башни, устремляясь в небеса.

Время вернулось в нормальное русло и в тот же миг, в небе прогремел гром, а потоки воздуха докатились до башни. С грохотом сорвало остатки крыши, обломки разлетались во все стороны, а защитный барьер задрожал, что кормилица и служанка застонали, напрягая все силы, чтобы удержать его.

Мальчик, исчерпав энергию, без сил сознания рухнул на пол, а его кожа приобрела пепельный оттенок, дыхание стало едва заметным.

Через минуту служанка осторожно приблизилась, проверила пульс и с облегчением кивнула:

— Он жив.

Лирин всхлипнула, прижимая руку к груди:

— Слава богам...

Глава клана, слегка покачнувшись, выпрямился и, поймав потрясённый взгляд сына Велиуса, твёрдо произнёс:

— Перенесите мальчика в отдельный гостевой дом под надёжную охрану, судя по его виду он истратил все резервы сил - Он сделал паузу, окинул взглядом разрушения и добавил - Даже с учётом всего произошедшего всё было не зря, из-за этого взрыва все произошедшее не сохранить в тайне и нас ждёт немало хлопот в будущем.

Глава вторая. Часть 3.

В то же время параллельно данным событиям Эрешкигаль расслабленно откидывается на край мраморного бассейна, позволяя тёплой воде окутать тело, словно шёлковое одеяло. В руке — бокал с холодным вином, на губах — лёгкая улыбка, в мыслях — расчёты, скрупулёзные и холодные, как лёд северных гор. Кусочек персика тает во рту, оставляя сладкий привкус, но даже это удовольствие не может полностью отвлечь её от тревожных раздумий.

«Четыре-пять лет... — мысленно повторяет она, глядя на игру бликов на поверхности воды. — Слишком долго. Слишком неопределённо. А времени всё меньше».

Досада сжимает сердце, словно ледяная рука. Её расчёты оказались ошибочны — вместо пятнадцати лет, которые она закладывала в план, осталось всего восемь. Ребёнок не успеет полностью развиваться, не обретёт всей силы, необходимой для её замыслов. Это серьёзная помеха — почти катастрофа. Она машинально сжимает бокал, и тонкая трещина пробегает по стеклу.

— Проклятье... — шепчет Эрешкигаль, отставляя вино. — Всё должно было сложиться иначе.

Но прежде чем она успевает углубиться в новые расчёты, резкий, пронзительный сигнал следящего артефакта Мор разрывает тишину покоев. Воздух над бассейном мерцает, и в нём разворачивается объёмная картина: зал башни, разрушенный потоками энергии, беззащитный ребёнок, окружённый аурой золотого света, и момент, когда время вокруг него

замедляется, а силы вот-вот покинут его тело.

Эрешкигаль замирает, забыв о вине и персике. Её глаза вспыхивают азартом — не страхом, не сожалением, а чистым, необузданным восторгом. Мгновенно оценив ситуацию, она телепатически устанавливает контакт с разумом мальчика и отдаёт необходимые указания. К её удивлению и восторгу — мальчик мгновенно выполнил всё, что она ему сказала. А вид взрыва потряс её до глубины души, произведя неизгладимое впечатление.

Эрешкигаль откидывает голову назад и смеётся — тихо, но с таким ликованием, что даже стены покоев, кажется, отзываются эхом.

— Гениально, — шепчет она, наблюдая, как ребёнка бережно поднимают с пола и уносят прочь. — Просто гениально.

Она поднимается из воды, не обращая внимания на капли, стекающие по коже. В её глазах загорается холодный, расчётливый огонь.

«Значит, так, — размышляет она, обматываясь шёлковым халатом. — Времени меньше, чем я думала. Но это не проблема. Это вызов. Я ускорю его развитие. Подготовлю почву. Научу. И когда придёт час, он станет моим оружием — или моим союзником. Выбор за ним».

Взгляд Эрешкигаль становится жёстким, почти хищным. — Вот и пришло время для нашей встречи, — произносит она вслух, и в её голосе звучит обещание. — Скоро, мой

маленький герой. Очень скоро.

Обдумывая увиденное Эрешкигаль улыбается, и эта улыбка не сулит ничего доброго тем, кто встанет на её пути. Не выходя из бассейна, она потянулась к артефакту Мора активируя его настойки уточняя параметры, для виртуальной встречи лицом к лицу.

Глава третья. Часть 1.

Александр резко очнулся, распахнув глаза. Над ним простирался знакомый потолок его московской квартиры где он прожил уже не мало времени один. Он осторожно ощупал лицо, затем поглядел на свои ладони — крепкие, с заметными костяшками, покрытие едва уловимой сетью мелких шрамов. Никаких крошечных пальчиков младенца.

«Не младенец... — мысленно повторил он, всё ещё находясь во власти смутных образов. — В этот раз кошмар был... другим. Даже захватывающим».

Впервые за семь лет привычный сценарий ночного кошмара претерпел изменения. Помимо смерти в ядерном взрыве Хиросимы — невесомость, шёпот незнакомых голосов, биение двух сердец, лица черноглазого мужчины с диким огнём в душе и женщины, похожей на тёмного эльфа...

«Может, и правда поехать в Хиросиму? — мысль прозвучала отчётливо, почти как приказ. — На то самое место, как приснилось...»

Голова после пробуждения пульсировала тупой болью, во

рту пересохло так, будто он не пил несколько дней. «А может, я вчера загулял с кем-то? — попытался найти рациональное объяснение Александр. — С чего такие ощущения? Вроде не было ничего такого...»

С этими размышлениями он поднялся с кровати, машинально провёл рукой по взъерошенным волосам и направился в сторону кухни-гостиной. Движения были заторможенными, словно тело ещё не до конца осознало, что опасность миновала.

Налив в стакан воды из фильтра, Александр выпил его залпом, чувствуя, как живительная влага постепенно возвращает ясность мыслям. Жажда отступила, но вместе с ней пришло другое, куда более тревожное ощущение.

Поставив стакан на столешницу он замер, от того что спине пробежал холодок и каким то шестым чувством почувствовав на себе тяжёлый, изучающий взгляд, медленно обернулся.

Позади него на диване сидела девушка лет семнадцати, её бледная, почти фарфоровая кожа контрастировала с длинными чёрными волосами, ниспадавшими до самых пят. Янтарные глаза светились, будто изнутри, придавая облику потусторонний вид.

Она была одета в нежно-розовое кимоно, запахнутое на лево, с изящной вышивкой — ветви цветущей сакуры, словно ожившие на шёлке. На изящных стопах красовались чёрные сандалии гэта, а в густых волосах сверкал большой се-

ребристый гребень с гравировкой из мелких черепов — деталь, нарушавшая общую гармонию образа и добавлявшая ему зловещей глубины.

Она смотрела на Александра изучающим, высокомерным взглядом, будто перед ней находился неведомый зверёк, от которого не стоило ждать ничего интересного. В её позе читалась абсолютная уверенность, почти пренебрежение, а лёгкая складка между бровей выдавала едва заметное раздражение.

Александр застыл, не в силах произнести ни слова пару минут изучающе рассматривал девушку, чувствуя, как внутри нарастает раздражение. «Снова брат со своими дурацкими розыгрышами, — пронеслось в голове. — Наверняка опять позвонил в эту службу по уборке квартир и попросил прислать какую-нибудь актрису в косплее. Ну сколько можно, нужно всё-таки с ним серьёзно поговорить...»

Он ещё раз молча окинул взглядом, сидящую, словно статуя девушку и поневоле пришлось признать: в этот раз образ превзошёл всех предыдущих посетительниц вместе взятых. Продуманность образа поражала — от вышивки на кимоно до мельчайших черепов на гребне. Даже янтарный блеск в глазах выглядел пугающе реалистично.

Неожиданно громко заурчал живот, резко прерывая его размышления. Александр вздрогнул, смущённо кашлянул и в последний раз посмотрел на девушку.

— Хороша! — небрежно хмыкнул он, поворачиваясь к

холодильнику.

С надеждой распахнув дверцу, он принялся искать что-нибудь съестное, попутно думая: «Скоро ей надоест сидеть в этой позе манекена — и она уйдёт. Как и все остальные до неё».

Глядя на это действо, в голове Эрешкигаль, по-прежнему неподвижно сидя на диване, пронёсся вихрь мыслей, от которых лицо исказилось от гнева и злобы — настолько явных, что они почти материализовались в воздухе вокруг неё. «Вот червяк... Он даже не догадывается... Считает меня очередной игрушкой в чьём-то глупом розыгрыше! — кипели мысли. — Да как он смеет?!»

Она сжала тонкие пальцы в кулаки, но снова их разжала, и посмотрела на парня, едва сдерживаясь, чтобы не швырнуть в него вазой так близко стоящей рядом на столике рядом с диваном. Затем глубоко вздохнув и мысленно сосчитав до десяти, успокоившись, взяв себя в руки, решила поступить иначе...

В то же время Александр безуспешно обшаривал каждый уголок холодильника, совсем забыв о незнакомке, буравящей недобрый взглядом его спину. На верхних полках обнаружили лишь одинокая банка горчицы с наполовину отклеенной этикеткой, засохший кусочек сыра, да пару помутневших стеклянные банок — судя по всему, остатки какого-то давно открытого лечо из сладкого перца. На средней полке сиротливо примостилась бутылка минеральной воды сосед-

ствовавшей в паре со сморщенным лимоном, потерявшим всякий намёк на свежесть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.